

# Код 93

**Автор:**

Оливье Норек

Код 93

Оливье Норек

Брутальный детективКапитан Кост #1

Оливье Норека сравнивают с лучшими мастерами криминального жанра, Ю Несбё и Жаном-Кристофом Гранже. Он блестяще совмещает сочный натурализм с тончайшим психологизмом. А эта задача по силам лишь настоящим мастерам...

Работая долгое время в убойном отделе полиции, капитан Виктор Кост повидал всякое. Но последние события буквально выбили землю у него из-под ног. Сначала прямо на вскрытии внутри трупа человека, погибшего от необъяснимых ожогов, зазвонил телефон. Потом другое тело, считавшееся мертвым, оживо. И вот, наконец, Кост стал получать анонимные письма с подробными деталями недавно совершенных преступлений. Парижский пригород Сен-Сен-Дени, конечно, имеет дурную славу, но и здесь подобного еще не случилось...

Оливье Норек

Код 93

Olivier Norek

CODE 93

Copyright © Editions Michel Lafon, 2013.

Published by arrangement with Lester Literary Agency

© Линник З., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

\* \* \*

Посвящается моей семье – тем, кто заставляет меня не сдаваться.

Мартине, Клоду, Виктору, Коринн и Бруно.

Пролог

Март 2011 года

Рост может соответствовать. Возраст – наверняка. Что касается внешности, трудно что-либо утверждать. Старый Симон снял трубку и со всеми необходимыми предосторожностями, чтобы не слишком обнадеживать, объявил:

– Возможно, у меня есть след.

На другом конце провода голос пожилой дамы прозвучал не громче, чем вздох:

– Камилла?

– В этом нет уверенности, мадам.

Перед тем как повесить трубку, Симон указал собеседнице время и место встречи: морг парижского Института судебно-медицинской экспертизы.

\* \* \*

Обнаруженная полуголой, без признаков жизни и документов, в сквоте[1 - Незаконно занятое помещение.] коммуны Ле-Лила департамента Сен-Сен-Дени, она была скорее всего двадцатилетней. Самое большее. При вскрытии доктор Леа Маркван одним движением скальпеля сделала разрез от основания шеи до лобковой кости, прилагая не больше сил, чем при ласке. Снаружи и внутри вскрытого тела ясно читались последствия чрезмерного употребления алкоголя и наркотиков, а также результаты сексуальных сношений – настолько жестоких, что доктор даже не могла себе представить такое. Никогда раньше за всю свою карьеру судебно-медицинского эксперта ей не случалось употреблять термин «сильная изношенность промежности». Как такое могло случиться? Какие зверства надо было вынести, чтобы между вагиной и анусом буквально не осталось перегородки?

Леа взяла испачканные руки убитой в свои, дотронулась до ее волос, затем кончиками пальцев провела по ранам на ее лице. Оглянулась вокруг; вообще-то так нельзя. Сняв латексные перчатки, повторила те же движения. Она дошла до худшей из бед своей профессии – сострадания.

И вот, по чистой случайности прочитав, что через несколько дней в расписании института назначено опознание членами семьи, Леа Маркван захотела лично обеспечить его проведение. Патологоанатому вовсе не обязательно присутствовать, но она настаивала. Ради самой себя. И ради нее тоже.

\* \* \*

При поднятии простыни реакции бывают разными и непредсказуемыми. От безмолвного страдания, которое пронизывает человека и отнимает все силы, которых хватает только на то, чтобы не грохнуться в обморок, если только сама земля не разверзнется под ногами, – до гнева и слепой жажды отмщения, когда человек только и ищет, на ком бы их сорвать. От шумного и слезливого горя до

раздражения. От безмятежного спокойствия, которое не сулит ничего хорошего, до сильнейших гроз.

Патологоанатом увидела, как входят трое посетителей. Никого из них она не узнала и предположила, что тот, что был выше остальных на полторы головы, с походкой борца на пенсии, и есть служащий уголовной полиции. Он был скуп на слова:

– Лейтенант Матиас Обен.

– Здравствуйте, лейтенант. Доктор Маркван. Капитан Кост разлюбил нашу службу или вы наказаны?

– Всего лишь дело, которое мне хотелось бы завершить. Капитан поручил мне передать вам привет.

Что поделаешь. Жаль, она предпочла бы Коста, более сдержанного, с голубыми, немного грустными глазами.

Леа представилась членам семьи – сначала пожилой даме в инвалидном кресле, затем молодому человеку, который толкал кресло, – приглашая их следовать за ней в морг. Полицейский следовал за ними, немой, как тень.

\* \* \*

Они углубились в подвалы Института судебно-медицинской экспертизы. Леа открыла двери в просторное помещение, холодное и тихое, чем-то напоминающее камеру хранения, состоящую из рядов квадратных дверец с длиной стороны семьдесят сантиметров. За каждой была история жизни – и ее конец. Несколько щелчков, и морг осветили неоновые лампы. Леа сверилась с регистрационным номером в своей папке и среди четырехсот пятидесяти ячеек с холодными обитателями открыла дверцу, за которой находилось тело 11-1236. Вытащила тележку-стол, где под белой простыней угадывалась человеческая фигура.

Она вопросительно взглянула на членов семьи и, как ей показалось, обнаружила в их глазах тревогу. На мгновение замерла, положив руку на ткань, затем

осторожно опустила саван, так чтобы показать только изувеченное лицо.

Сопровождающий родственников крупный полицейский попытался предупредить их несколько минут назад. Тело, которое им предстояло увидеть, было телом наркоманки, которая, возможно, была их дочерью и сестрой, но которая, бесспорно, изменилась, истаскалась и постарела в силу маргинального образа жизни. Он охотно предпочел бы обойтись без упоминаний о сфере сексуальных услуг – эти уточнения не являлись необходимыми, пока она официально не опознана. Однако никакое предупреждение и никакая подготовка не смогла бы избавить от приступа тошноты, охватившей их, когда лицо было открыто.

Мать – пленница своего инвалидного кресла – оттолкнулась руками от подлокотников и, как могла, поднялась на своих слабых ногах, чтобы прибавить себе хоть немного роста. Ее голос – властный и, несмотря ни на что, на удивление чистый – заверил, что это не ее дочь. Сын не издал ни звука. Лицо девушки было настолько опухшим, что возможность ошибки оставалась довольно значительной. Патологоанатом отодвинула простыню, полностью открыв труп, покрытый синяками, царапинами, плохо зажившими ранами и следами тысяч уколов – черных воспаленных лунок. Пожилая дама сжала руку сына и еще более уверенным, делано смиренным голосом снова заявила, что особа, лежащая перед ними, не их Камилла. Все еще стоящий рядом с ней сын приоткрыл рот, но его слова так и остались произнесенными; из его уст раздался лишь вздох.

Доктор Леа Маркван знала, что весь известный набор реакций тех, кто оказался перед трупом, можно перечислять бесконечно. Тем не менее она произвольным движением быстро прикрыла обнаженный труп, с которого молодой человек не сводил пристального взгляда с ноткой какого-то нездорового интереса. Тем более что он уверял, будто не узнает покойную.

Отступив в сторону, полицейский вынул из кейса бланк протокола, поставил галочку напротив «результат отрицательный», потом дал обоим посетителям подписать его. А ведь он надеялся, что сможет найти семью этой безымянной... Затем предложил даме с сыном проводить их, однако те вежливо отказались.

\* \* \*

Даже оказавшись в такси, которое везло их домой, на высоты Сен-Клу, они не обменялись ни единым словом. Мать не признавала за собой никакой вины. Она действовала ради блага семьи, и пусть ей придется расплатиться своей душой, если придет день, когда Бог упрекнет ее в этом.

\* \* \*

Весь сжавшись, сын полностью сосредоточился на своем дыхании. На каждом повороте такси он опасался, что его вывернет на кожаные сиденья. Держа руку на сердце, он чувствовал, что силы покидают его; по всему телу бежали мурашки, предвестники недомогания. Секунду он был не в себе, и ему понадобилось некоторое время, чтобы вспомнить, где он находится и что здесь делает.

Камилла. Он тоже ее узнал. Свою Камиллу. Свою почти сестру. Узнал и промолчал.

Часть первая

Здесь не Голливуд, здесь Сен-Сен-Дени.

Начальник полиции М.-Ш. Дамиани

1

Среда, 11 января 2012 года. Кост открыл один глаз. Завибрировал мобильник, лежащий на подушке, которой он не пользовался. Кост прищурился, чтобы посмотреть, сколько времени. Четыре тридцать утра. Еще не приняв вызов, он уже знал, что где-то кого-то убили. В жизни Коста не существовало никакой другой причины, по которой его разбудили бы среди ночи.

Морщась, он выпил горький кофе, прислонясь к холодильнику, на котором стикер «купить сахару» уже грозил отклеиться. В тишине кухни капитан разглядывал в окно уснувшие здания. Единственный свет в районе, подумал Кост, это тот, что утром просачивается с улицы. Он проверил пистолет на поясе, натянул свитер и бесформенное черное пальто, затем положил в карман ключи. Служебный «Пежо 306» боялся холода и отказывался заводиться. Этим утром Виктор Кост был в том же состоянии, что и его машина. Немного подождав, он зажег сигарету, кашлянул и попробовал снова. После нескольких неудачных попыток мотор завелся, и пустые улицы предстали перед Костом вереницей красных огней светофора, пока он не выехал на Третью автомагистраль.

Четыре бесконечных серых полосы, будто копья, вонзались в сердце пригорода. Видеть, как частные дома постепенно сменяются многоэтажками, а те, в свою очередь, – небоскребами. Отводить глаза при виде цыганских лагерей. Трейлеры, насколько хватает взгляд, прилипшие друг к другу поблизости от линий RER[2 - Сеть скоростного сообщения в Париже и пригородах.]. Белье, развешанное на просушку на оградах, за коими живет та часть населения, которую не знаешь, любить или ненавидеть. Закрывать окно, проезжая мимо межмуниципальной свалки и ее испарений всего в нескольких кабельтовых[3 - Кабельтов – единица измерения расстояния на море; равен 1/10 морской мили = 6 угловых секунд меридиана = 185,2 м.] от первых жилых домов. Вот до какой степени уважают 93-й департамент[4 - Номенклатурное обозначение департамента Сен-Сен-Дени.] и его граждан: вываливают им под нос тонны мусора. Подумать только, что было бы, если б все это предложили центру столицы. Просто чтобы увидеть реакцию парижан. У бедняков и иммигрантов, думают они, менее развито обоняние... Проезжать бесконечные парковки предприятий и общественных работ и все время здороваться с одними и теми же рабочими без документов, которые группой ждут грузовичок-развозку. Попытаться без особой депрессии войти в этот новый день, который только начинается.

Пантен. Пять пятнадцать утра. Зброшенны склады Уркского канала. Простираясь на тысячи квадратных метров, будто покинутая деревня, они каждый год неизменно фигурировали в обещаниях снести их. Ряд пустых

ангаров, где в тридцатые годы происходила загрузка торговых барж, курсирующих по каналу. От этого исторического периода сохранился только ржавый железный урод с разбитыми окнами и заколоченными дверями.

Мелкий дождь делал это место вконец негостеприимным.

\* \* \*

Кост приподнял желтую полицейскую ленту периметра безопасности, предназначенную для того, чтобы преградить путь зевакам, чье появление в этот час было маловероятно. Вынув свое удостоверение, предъявил его полицейским в форме. Ронан, член команды, раздавил сигарету и поприветствовал его, протягивая «Мэглайт»[5 - Марка портативных фонарей.]. Пробурчав «привет», Виктор направил луч света на ржавую железную дверь, отделявшую его от места преступления.

Несколько раз они толкнули ее, пока та не подалась с долгим скрипом. Сопровождаемый своей командой, Кост двинулся вперед. Он поднялся по лестнице, достаточно крутой, чтобы напомнить, что ему скоро сорок лет, и оказался в помещении, которое из-за темноты казалось бесконечным. Посветил фонарем, но увидел только свисающие хлопья пыли. Словно из ниоткуда вышел полицейский.

– Вы из уголовной?

– Капитан Кост. Что тут у нас?

Показывая ему дорогу, полицейский заговорил:

– Это все охранник, точнее, его собака, которая залаяла. Тогда он поднял свою задницу и пошел посмотреть.

Полицейский отступил назад.

– Осторожно! Там дыра. Итак, сторож пошел посмотреть – и нашел его здесь, мертвеца...

Тихим голосом Ронан поблагодарил за очень информативный доклад; полицейский воспринял это не очень хорошо и ушел. Кост с напарником остались одни перед черным гигантом. Сидящим прямо на полу, будто ссутулившись, вытянув руки вдоль тела – должно быть, около двух метров длиной – и опустив голову. На его ослепительно-белом свитере теснились посреди груди три зияющих отверстия в широкой кайме почерневшей крови.

Примерно мгновение оба полицейских помолчали, стоя перед трупом, испытывая странное чувство, будто ты более живой, чем обычно.

– Ронан, забираешь полицейского, которого ты так разозлил, и делаешь так, чтобы он предоставил нам чуть более детальный отчет; затем передаешь по рации, что нам нужен кто-нибудь из криминалистов и врач. Попросишь у них софиты. Мощные.

3

Вдоль склада змеился бесконечный провод-удлинитель, питающий две галогеновые лампы, направленные на неподвижное тело. Сэм – последний новичок в группе Коста – регулировал прожектора, настраивая высоту. Слишком худой и хрупкий с виду, он производил впечатление человека, попавшего в полицию по ошибке. Или случайно. Вздевшись на две длинных тощих ноги, Сэм смотрел повсюду. Не смотрел он только на труп – огромных размеров, освещенный будто рок-звезда, изрешеченный пулями.

– Ну и видочек у тебя, Сэм... Выглядишь будто не в своей тарелке.

– Да пошел ты, Ронан, у меня тошнота к горлу подкатывает... Seriously, Кост, ты же знаешь, что мне такое не нравится. Неужели меня нельзя было послать посмотреть, нет ли где-то здесь камеры видеонаблюдения, или опросить соседей, сбегать за кофе... уж не знаю, что еще сделать.

– Видеонаблюдение – по-моему, это звучит неплохо. Обследуй до соседних улиц. Ронан, садись на свой мотоцикл и отправляешься с ним. Будем исходить из обычного принципа, что преступники попытались быть умнее всех и не завалили

приятеля поблизости от места своего обитания. Найдите все возможные входы и выходы, займитесь поисками машины. Черного такого роста на спине не утащишь; ищем легковушку, грузовичок, микроавтобус... ну, не знаю, что еще. – Кост схватил переговорное устройство. – Обен, ты где?

В огромном железном строении прием был просто отвратительным; из-за шипения и тошнотворного потрескивания не разобрать ни слова. Кост посмотрел на свое переговорное устройство и попытался вспомнить день, когда оно работало как следует. Затем взял мобильник.

– Обен, ты где?

– В дороге, вместе с дежурным врачом, он додежурит рядом со мной. Мы в трех минутах езды.

\* \* \*

Команда криминалистов оккупировала все окрестности. Вокруг трупá трещали фотовспышки, расцвечивая место преступления яркими красками.

Биологические образцы: сбор, размещение и опечатывание всех окурков, бутылок и всевозможных обломков, какие только могут валяться на полу заброшенного ангара. Всё как обычно. Персонал отдела криминалистики в стерильных белых комбинезонах, с тщательно закрытыми волосами и ртами, чтобы избежать любого загрязнения образцов вкраплениями их собственных ДНК, выполнял хорошо организованный балетный номер, не замечая великана, находящегося в центре манипуляций, не интересуясь причинами, по которым его замочили этим январским утром.

Один из них погасил обе галогеновые лампы и с помощью лампы ультрафиолетового излучения обследовал границы места преступления. Поискал следы крови и прочих биологических жидкостей, просвечивая каждый квадратный сантиметр голубоватым светом. С технической точки зрения никчемная лампа. Затем он перешел к индикатору «Блю стар», что-то распыляя в тесном пространстве вокруг трупá, – безуспешно. Комната оставалась погруженной во мрак. К Косту обратился руководитель команды криминалистов – субъект с пышной бородой, изображающий из себя старомодного профессора и

прозванный своими коллегами «Don't touch»[6 - Не трогать (англ.)], или Недотрогой.

– Никакой электролюминесцентной реакции, никакой крови. Этот твой парень умер не здесь, сюда его всего лишь перевезли. Теперь нам все ясно, можете ставить свои лампы, где хотите, – мы закончили.

\* \* \*

В то самое время, когда криминалисты закрывали свои чемоданы, Обен припарковал машину возле склада и разбудил врача, храпевшего с открытым ртом.

– Приехали, док.

Даже еще не открыв глаза, тот принялся ворчать:

– И все это только для того, чтобы я осмотрел труп! Как же вы все меня достали...

– Ты бурчишь, как полицейский, док.

\* \* \*

Когда Кост заметил Матиаса Обена, он сначала подумал, что тот потерял врача по дороге; пока не обнаружил, что врач прячется за ним. Обен затмит собой кого угодно. Нормандский шкаф, высокий и прямой, как многоэтажное здание; наверху этой фигуры переломанная усталая рожа, как у Лино Вентуры[7 - Анджолино Джузеппе Паскуале Вентура (1919–1987) – итальянский актер.], когда тот начинает злиться. Встретив его впервые, Кост никогда не поставил бы на то, что парень станет одним из немногих, кому он доверится. Десять лет в 93-м департаменте – со всеми заморочками, которые из этого следуют...

– Привет, Виктор.

– Здравствуй, Матиас. Здравствуйте, доктор.

– Ну, и где этот ваш приятель?

– Это единственный мертвец в помещении, и для вас специально поставили вокруг него галогеновые лампы, чтобы вы случайно не пропустили его.

Врач наклонился над трупом, но вскоре понял, что даже в сидячем положении великан выше его ростом.

– Скажите, пожалуйста, какой большой...

– На это наплевать; все, что мы хотим знать, – мертвый ли он.

Эскулап снова заговорил профессиональным тоном:

– Ну, именно таким он и является. Смерть неподдельная и окончательная; на его свитере множественные следы попадания пуль, следовательно, причина смерти не представляется мне естественной. Я выдаю судебно-медицинское свидетельство, чтобы вы смогли распотрошить его на вскрытии. О том, чтобы притронуться к нему хоть пальцем, даже вопрос не стоит, для этого еще слишком рано, а я возвращаюсь спать. Пришлете судебный запрос ко мне в бюро.

Врач сделал полуоборот, но наткнулся на Обена, стоящего ему поперек дороги.

– Может быть, ты все-таки пощупаешь ему пульс, чтобы быть окончательно уверенным?

– Черт, да у него три здоровенные дырки на свитере, который весь в кровище, хоть выжимай... Вам этого недостаточно?

Обен не пошевелился. Убедительно. Врач натянул латексные перчатки и приложил два пальца к аорте убитого.

– Ничего, никакого биения. Теперь все? Мне можно идти или вы хотите, чтобы я проверил, все ли прививки у него есть?

\* \* \*

Обен проводил его наружу, пока Кост набирал круглосуточный номер Трибунала, чтобы проинформировать дежурного сотрудника магистрата.

– При нем никаких документов. Обнаружен охранником в три часа ночи, предположительно убит из огнестрельного оружия. Врач предоставил нам заключение судебно-медицинской экспертизы, вам остается только назначить вскрытие... спасибо... как только появится что-то новое, обязательно будем держать вас в курсе дела.

Кост разъединил вызов, разглядывая сотрудников похоронного бюро, с трудом застегивавших огромное тело в черный мешок, мелковатый для него. Жмуриков Виктор столько перевидал, что мог бы запросто поесть мороженое во время любого вскрытия; поэтому он без особых переживаний смотрел, как удаляется его новое расследование, упакованное для морга.

4

Доктор Леа Маркван, судебно-медицинский эксперт Института судебно-медицинской экспертизы, была для Коста загадкой. Дочь директора парижской частной клиники, она предпочла иметь дело с мертвыми, чем выслушивать жалобы от живых. Кост видел ее только в белом халате, с зачесанными назад рыжеватыми волосами и светло-зелеными глазами за стеклами тонких прямоугольных очков, и простодушным улыбающимся лицом – полный контраст с ее способностью меньше чем за минуту распилить череп или обеими руками вынуть кишечник. Поэтому он часто спрашивал себя, как бы она выглядела с распущенными волосами и с чуть меньшим количеством крови на шмотках.

Особенность их взаимоотношений состояла в том, что встречались они лишь по поводу чьей-нибудь подозрительной смерти, и каждый раз Кост пользовался случаем, чтобы удостовериться в отсутствии обручального кольца, которое могло появиться у нее на пальце.

Этим утром они шли рядом по одному из длинных коридоров института.

– У вашего клиента есть какая-то история?

– Ну да; история субъекта, обнаруженного этим утром мертвым на складе с тремя пулями в груди.

– Сведение счетов?

– Почему бы и нет... Остальное вы мне расскажите.

Судебно-медицинский эксперт провела карточкой по магнитному замку двери, ведущей в зал для вскрытий.

\* \* \*

Под холодным светом неоновых ламп тело гиганта стало серым. Его ноги были куда длиннее операционного стола. Леа Маркван подняла на лицо хирургическую маску и спустя несколько секунд молчания сделала серию снимков.

– Ладно, начнем с того, что срежем его одежду и посмотрим на огнестрельные раны.

Она подняла часть пропитанного кровью свитера и разрежала его от низа до воротника. Не сводя с него глаз, Кост вынул «Тигровый бальзам» и нанес себе на верхнюю губу. Через десять минут дышать здесь станет невозможно.

Леа без усилий отлепила одежду от кожи. Несколько раз она недоверчиво провела рукой по груди, где не было смертельных ран. Никаких дырок от пуль. Ни малейшего следа.

– А ваш субъект быстро поправляется...

Кост приблизился. Заметил то, о чем она говорила. Испустил долгий вздох. Посмотрел на свою собеседницу. Разозлился. Затем поступил как обычно. Не усложняя.

– Три дыры на свитере, соответствующие раны отсутствуют. Судя по всему, свитер ему надели... – Затем он продолжил размышлять в тишине, будто говоря сам с собой.

– Ненавижу такое.

– То есть?

– Вы начали выдвигать предположение, а заканчиваете его у себя в голове.

– Прошу прощения. Я подумал, что если наш неизвестный погиб не от пуль, вы сейчас найдете другую причину смерти... а мне придется расследовать все, что касается свитера.

Маркван закончила снимать с мертвого остатки одежды и сделала еще одну серию фотографий.

Спокойный. Такое впечатление он производил – лежащий с закрытыми глазами, полностью раздетый.

Однако ночь, судя по всему, не должна была пройти вот так мирно. Обязанный раз сто веревкой у самого основания, член гиганта производил впечатление черного увядшего овоща. Судмедэксперт остановилась, подошла и поправила защитные очки.

– Виктор, думаю, у него отсутствуют яйца.

Потом снова заговорила более подходящим к случаю тоном:

– Хирургический разрез, удаление тестикул после стяжки. Должно быть, ему это не понравилось, и, по-видимому, раны нанесены ante mortem[8 - Перед смертью (лат.).]. Это подтверждается использованием того, что представляется мне веревкой для жарко?го, затянутой на манер силка у основания пениса.

– Ничего это не подтверждает, это уточняет.

– Что вы имеете в виду, Шерлок?

– Всего лишь следующее: те, кто это сделал, не только хотели, чтобы он остался жив, пока будут отрезать яйца, но и чтобы он остался жив после этого. Яснее ясного.

Уголок ее губ поднялся в сдержанной улыбке – Леа нравился живой ум полицейского. Она продолжила обследовать каждый квадратный сантиметр, а затем с помощью Коста перевернула тело.

– Почти во всем теле установилось трупное окоченение. Хотя тело еще немного сохраняет гибкость, смерть наступила не раньше чем шесть часов назад. Тело холодноватое. Я не вижу ни ран, ни других видимых повреждений. Сейчас буду искать возможные подкожные кровоподтеки...

Выкатив столик с инструментами, Леа выбрала скальпель, оперла руку на левую икру убитого и сделала глубокий разрез на коже и мышцах во всю длину. Мускул широко раскрылся, будто красный цветок.

Тело гиганта сохраняло полную неподвижность; на лице, сплюсненном об стол, раздвинулись веки одного глаза.

– Не вижу ничего из ряда вон выходящего, никаких следов от выстрелов.

Патологоанатом наклонилась и твердо схватила другую икру, чтобы разрезать ее тем же быстрым и точным движением...

Издав громкий и пронзительный жалобный звук, мертвый приподнялся на локтях. Кост и молодая женщина застыли на месте. Гигант вывернул шею назад и посмотрел на свои вскрытые икры, а затем взглянул на мужчину и женщину, онемело стоящих перед ним. Затем попытался встать, но рухнул, опрокинув столы с инструментами и медицинской посудой. Послышался грохот металла и звон разбитого стекла. Тяжело упав на пол, негр схватил первый скальпель, который оказался в пределах досягаемости, и махнул им перед собой. Кост вынул пистолет, встал перед судмедэкспертом и направил его на уровень плеча неизвестного.

Не в состоянии стоять, мужчина отодвинулся по белому кафельному полу, выпачканному кровью, с трудом отталкиваясь руками, пока не оказался в углу

помещения, все так же сжимая в руке скальпель. Он дрожал, его пустой взгляд шарил вслепую. Кост почувствовал себя смешным оттого, что целится в человека, находящегося в шоковом состоянии, и спрятал пистолет.

– Черт, ваш субъект и вправду быстро выздоравливает...

5

Станция «Набережная Рапе» на берегах Сены, в нескольких метрах от Института судебно-медицинской экспертизы. Метро перевозит поток вполне живых пассажиров, проезжающих мимо красного кирпичного здания, не зная о трупах, которые ждут в морге, когда им придет время открыться миру в последний раз. Иногда на этой станции в воздухе витает особенный запах. Оpoznать его в состоянии только полицейские и врачи. Запах смерти. Врезавшийся в память, будто предостережение. Танатоморфоз[9 - Изменения, вызванные смертью.] в извечном цикле. Смерть, охлаждение, окоченение, обезвоживание, синюшность, разложение.

Некоторые животные с самого рождения приковывают себя к земле, чтобы прятаться в траве и чтобы избегать возможной встречи с хищниками. Это врожденное: инстинкт выживания.

Вдыхая запах протухшего мяса, смешанного с кровью и экскрементами, наше бессознательное сразу определяет такую вонь как нечто неизбежное, незабываемое. Это врожденное: инстинкт смерти.

Облокотившись на каменную балюстраду моста Морланд, неподалеку от входа в Институт судебно-медицинской экспертизы, Кост терялся в грязной зелени Сены. Чайки с замызганными перьями спорили из-за мусора, раскачивающегося на поверхности реки. Капитан снова подумал о постановке на складах Пантена и о том, что это совершил психически больной – достаточно хитрый, чтобы кастрировать свою жертву, а затем надеть на нее пробитый пулями свитер, чтобы таким образом отправить живым на вскрытие.

Убийство – это удар ножа, выстрел или хороший протяг металлическим прутком. Что-то внезапное, сделанное второпях, с минимумом преднамеренности. Зачастую убийство – это что-то неаккуратное. И уж тем более не театрализованное.

За всем этим Кост чувствовал приближающиеся неприятности.

\* \* \*

Машина «Скорой помощи» попыталась найти свободное место, чтобы задом припарковаться у дверей Института судебно-медицинской экспертизы. Во второй раз тело черного гиганта проехало перед ним – на этот раз чуть менее мертвое и чуть более наполненное внутривенным раствором – в больницу Жана Вердье в Бобиньи. Кост бросил сигарету, которая закружилась в воздухе, будто в замедленной съемке, а затем потухла, соприкоснувшись с водой. Вынув мобильник, он кратко изложил Обену, какой особый оборот только что приняло расследование.

– Поставишь мне дежурного перед его палатой до момента его пробуждения. Беру его шмотки, пробы и посылаю тебе всё для сравнения ДНК. Шансов мало, но я сомневаюсь, чтобы кровь на свитере принадлежала ему.

– Вторая жертва?

– Хорошее начало недели.

\* \* \*

Кост снова сел в машину. За стеклянными дверями института он заметил женщину-патологоанатома с кофе в руке. В другой у нее было несколько монет, которые она нервно запихивала в автомат со сладостями. Леа только что вскрыла живого человека, а такое не каждый день случается. Должно быть, ей трудно это себе объяснить.

Надо бы сходить к ней. Поговорить. Извиниться.

Но за что?

Он вздохнул и тронулся с места.

6

Бобиньи. Полицейское управление. Прямоугольный двухэтажный лабиринт из стекла и металла, в центре которого расположен длинный крытый сад. В нижнем этаже комиссариат – и ежедневная, почти привычная преступность. Этажом выше управление, занимающееся правонарушениями средней тяжести. Чем выше поднимаешься, тем больше становится масштаб преступлений, достигая апогея на последнем уровне здания.

Уголовная полиция Сен-Сен-Дени. SDPJ 93..

Северное крыло – кабинеты группы по борьбе с оборотом наркотиков, где стоит постоянный запах недавно конфискованной конопли. Скользящий график, усталые физиономии, как у распоследних бомжей, так что не разберешь, где полицейский, где осведомитель. Дальше финансовая полиция, чуть скромнее, – и только у них можно найти чай. Единственное украшение кабинетов – многотомные дела на тысячу страниц об экономических преступлениях. В глубине – отдел расследований и розыска, всегда в точке кипения. Он специализируется на изнасилованиях и похищениях: когда там закрывают дело, тут же открывается два других.

Южное крыло – группа борьбы с бандитизмом и их знамя с черепом. Здесь имеют дело с ограблениями при помощи штурмовых винтовок или гранатомета. Чтобы сделать такое своей рутиной, надо быть совершенно безбашенным. «Мертвая голова» в качестве талисмана становится от этого куда понятнее. И, наконец, обе следственные группы, где встречаются все виды убийств 93-го департамента. Шесть кабинетов, разделенных внутренней гардеробной, где ждут своей очереди на просушку, чтобы затем быть опечатанными, окровавленные предметы одежды последних жертв. Обычно гардеробная полна, и нередко полицейские ждут у ее окошка рваный свитер или разодранную юбку.

Пройтись по коридору уголовной полиции – значит столкнуться лицом к лицу со всем худшим, что таится в человеке.

\* \* \*

Прямо напротив полицейского управления, в десятке метров, на пяти этажах и трех уровнях подвала, располагается высокий суд Бобины. Архитектура здания – полная противоположность принципа «Лего».

С одной стороны полиция, с другой – правосудие. Рядом, в самом центре 93-го, будто два боевых корабля, обращенные к волнам городских улиц, которые виднеются насколько хватает взгляд.

\* \* \*

За дверью кабинета «Следственная группа 01» Кост включил свой компьютер. Иконка электронного почтового ящика подпрыгивала. Отпечатки нашли своего владельца. Кост подключился к общему серверу, вошел в базу службы криминалистов и громко прочитал Обену отчет об опознании.

– Не знаю, сможешь ли ты прочувствовать иронию, но нашего гиганта зовут Малыш, Бебе. Бебе Кулибали, родился в восемьдесят пятом. Стало быть, ему двадцать семь. У него есть «дом» в Поль-Вайян-Кутюрье.

Сидя за столом, расположенным перпендикулярно его столу, Обен в ответ на полученную информацию истязал свою клавиатуру, копаясь в полицейской базе.

– Есть такой. Бебе Кулибали. Ни регистрации, ни машины, ни свидетельства. А вот в STIC[10 - Система обработки выявленных правонарушений. – Прим. авт.] у него, наоборот, хороший послужной список. Пересылаю тебе его грешки юности; мы тут имеем вооруженное ограбление, совершенное в первые годы после совершеннолетия. Начиная с две тысячи пятого он специализируется в области наркоторговли, за что и получает два года во Флери, откуда выходит в восьмом, исчезнув с радаров до десятого. В этом году он с шумом возвращается на сцену. Обвинение в изнасиловании, закончившееся отзывом обвинения. Классика жанра.

– Хорош, ничего не скажешь... Остается узнать, что он захочет сказать нам, когда проснется. А в ожидании этого события ты начнешь юзать SALVAC[11 - Система анализа связей насилия с другими преступлениями. – Прим. авт.].

Обен нахмурился. Начальник отдела по своему произволу уже назначила его координатором программы SALVAC, сама получив приказ комиссара Стевене?на, который, несомненно, был вынужден подчиниться вышестоящему в костюме, сшитом на заказ.

SALVAC – одна из самых мощных баз данных по преступлениям. Она собирает, анализирует и выискивает связи, чтобы определить сходство между расследованиями. Порядок действий, места, даты, преступления, описания и психологические портреты известных преступников. Если преступления кажутся совершенными одним и тем же лицом или той же самой преступной организацией, расследования объединяются по ходу дела, и судья санкционирует их передачу самому квалифицированному полицейскому управлению. Изобретенная и введенная в употребление канадцами более двадцати лет назад, программа SALVAC в 2005-м наконец объявилась во Франции и в 93-м департаменте, – и тут именно Матиас Обен втыкает в нее, как может, пытаясь разобраться.

Он включил компьютер. SALVAC поприветствовала его. Он ввел свой регистрационный номер и код доступа. Экран вздрогнул, затем интерфейс распознал его. Обен Матиас – MLE 46556X – SDPJ 93.

– Зашибись! Я вошел в операционную систему, и первые описания... Если это срастется с другим делом, аналитики сообщат нам это завтра.

\* \* \*

Сэм и Ронан вошли в кабинет, продолжая оживленный разговор, итогом которого явилась мысль, что вести мотоцикл на скорости больше 140 км/ч по окружной дороге – настоящая глупость и что на этой скорости, вероятнее всего, даже роботу-дроиду было бы трудно избежать заноса. Они оба устроились на старом красном диване напротив столов Обена и капитана Коста.

– Ничего нет – ни видеонаблюдения, ни единого свидетеля.

Сэм продолжил:

– С другой стороны... на заброшенных заводах глубокой ночью это было бы удивительно. Добавлю еще, что Ронан водит как придурок и что я больше никогда не сяду с ним на мотоцикл. На такой скорости даже дроид...

– Черт подери, что тебя так пробило на дроидов с самого утра? Вместо того чтобы умничать, лучше расскажи, что ты там нарыл с компьютерщиками.

Немного смущенный, Сэм начал:

– Ладно, вы меня сейчас примете за подростка, которому не хватает острых ощущений, но я поискал в Интернете... Знаете, что такое зомби?

Кост вспыхнул:

– Ты что, насмехаешься надо мной?

– погоди орать.

Сэм вынул из своего рюкзака планшет, затем прокрутил текст, пока не нашел желаемый параграф.

– В мифологии гаитянского вуду их называют живыми мертвецами. Эта религия распространена в Африке и Южной Америке. Я нашел это на сайте, который называется «Dark Refuge». Зомби – это бедняга, жертва священника вуду, которого называют хунган, и он пичкает человека тетродоксином. Это такой наркотик, он есть в иглобрюхе или в тростниковой жабе, сильно подавляет восприятие и осознанную двигательную активность. В то же время жертва остается в сознании и продолжает слышать, что происходит вокруг нее. Бедняга похоронен, затем откопан и благодаря противоядию выходит из летаргии, чтобы сделаться рабом. Дальше автор сайта рассказывает, что в XXI веке еще существуют свидетельства, где упоминается использование рабов-зомби в фермерских хозяйствах.

Кост смягчился: его это немного убедило.

– Если не возражаешь, я сперва взгляну на результаты анализов крови, и, если все так и есть, сам оплачу тебе билет на Гаити.

Ронан подтвердил:

– Я участвую в расходах.

Кост обратился к Обену, смеявшемуся будто через силу:

– Им будет тебя не хватать, когда ты переберешься в Анси, разве не так?

– Тебе хорошо известно, почему я сматываюсь.

– В курсе, семья. Конечно, это важно.

– Да ты-то что об этом знаешь? – вежливо оборвал его Обен.

7

Кост оставлял за собой право одному ходить на вскрытия. Ронан, настоящий вундеркинд в том, что касается отношений мужчины и женщины, быстро отметил присутствие некоего электричества между его капитаном и патологоанатомом. Демонстрируя хитрую улыбку и протягивая Косту руку с телефонной трубкой, он подмигнул, давая понять, что на том конце провода находится не кто иной, как доктор Леа Маркван.

– Виктор?

Не глядя на него, Кост указал в сторону двери, и Ронан удалился, волоча ноги, как мальчишка, которого отправили спать, когда фильм еще не закончился.

– Да, я вас слушаю.

– Две новости. Сначала та, что коммутатор института буквально лопается от звонков: журналисты хотят больше знать о вернувшемся к жизни. Представляете, какую кучу неприятностей я огребу со всем этим?

– Мне очень жаль, но уверяю вас: утечка информации исходит не от моей группы. Я никогда не допустил бы, чтобы это задело вас.

– На самом деле вам я верю, а вот насчет своих коллег как раз далеко не уверена. Но прежде всего... меня беспокоят как раз завтрашние газеты. Такая антиреклама для нашей службы...

– А вторая новость?

– Да, извините: ваш субъект просто нашпигован барбитуратами. В некоторых случаях это может привести к глубокой коме, которая характеризуется полной потерей каких-либо признаков неврологической деятельности и даже отсутствием мозговой активности. Пульс крайне слабый, его легко не заметить, чем можно объяснить ошибку первого врача, проводившего осмотр на месте. К тому же холодная погода и, по всей вероятности, недостаточная внимательность, учитывая время суток и обстоятельства. Обнаруженная в крови мощная доза может вызвать гипертоническую кому, что я и приняла за трупное окоченение. Моя первая ошибка. Те же самые лекарства вызывают переохлаждение, что я и приняла за температуру трупа. Это вторая. Кост, ваш труп – чертова ловушка, в которую я попала, как первокурсник.

– Если это может вас утешить, вы будете не единственной, кому придется объясняться. Перестаньте обвинять себя; вам принесли мертвого, и вы действовали как обычно.

– Никогда нельзя проводить вскрытие как обычно! Расскажите, что будет дальше, – мне все-таки хотелось бы понять, что это за дерьмо...

Кост спросил себя, ругается ли она так же во время семейных трапез.

Мысленно он снова повторил предложение попить вместе кофе в спокойном месте, а затем, не в состоянии построить фразу, спрятался за «я вам позвоню».

Как он и ожидал, начальник отдела вызвала его к себе. Вися на телефоне, начальник полиции М.-Ш. Дамиани время от времени повторяла «да, месье», сделав Косту знак присаживаться. «М.-Ш.» Дамиани... она всегда так подписывала свою корреспонденцию. «Без сомнения, – подумал капитан, – что Мари-Шарлотт – не то имя, которое подходит командующему двумя следственными группами уголовной полиции 93-го департамента».

Она остановилась посреди фразы: «Хорошо, ме...» – затем разъединила вызов, как это только что сделали на другом конце провода, не дав ей времени закончить фразу. И, немного смущенная, напряженно выпрямилась.

– Вы в курсе, что пишут в газетах?

– Да.

– Вы знаете, что этот случай по меньшей мере... необычный... Шеф хочет как можно скорее получить информацию, чтобы обеспечить себе защиту перед префектом. Это очень, очень скверная история.

Если б это было в его власти, Кост добавил бы еще одно дополнительное «очень».

– Это пятно на департаменте, – продолжила Дамиани. – У нас здесь ненормальный, который для развлечения мучит жертву. И, кстати, это дополнительный повод посмеяться нам в лицо. Здесь не Голливуд, здесь Сен-Сен-Дени.

– Знаю. Вы говорите мне это так, будто я каким-то образом замешан.

– Я говорю вам это так, чтобы вы как можно скорее разобрались с этим дерьмом и вернулись к нашим текущим делам. Я хочу в этом отделе спокойствия, а не кинематографа.

Коротко постриженные светлые волосы и лицо, выдающее возраст хорошо за пятьдесят. Дамиани только и стремилась к тому, чтобы получить следующее звание, накрутить себе пенсию и устроиться в доме, который уже давно построила для семьи, когда это слово еще имело смысл в ее случае. Все, что ей

хотелось, – выложить свой пистолет, жетон и удостоверение, дабы воспользоваться тем, что еще оставалось от давнишних замыслов.

История с негром, который решил не умирать, не особенно забавляла ее.

– А кровь на свитере принадлежит ему или это дополнительная неприятность?

– Мы ожидаем заключения из лаборатории относительно результатов анализа ДНК.

– Ладно, я сама ее потороплю, ответ у вас будет завтра. А перед этим вы отделаетесь от этого типа, пока он не проснулся! Я ожидаю, что эта история навлечет на меня критику и, если хотите, поставит под сомнение мою компетентность.

– Как и нашу, мадам.

– Нет, Кост, уверяю вас, мою – больше всех.

Кост счел, что это подводит итог всего разговора. Едва он поднялся на ноги, как Дамиани уже отвечала на другой телефонный звонок. На мгновение она его задержала.

– Через два дня Обен уходит, а у вас будет новый лейтенант. Женщина. Я достала для вас ее резюме. Она еще слишком молода, чтобы занять пост оператора программы SALVAC, но босс позаботится, чтобы для этого прикрепили еще кого-нибудь.

Словно для того, чтобы устранить все возможные сложности, начальник полиции сочла за лучшее уточнить:

– Виктор, вы не выбирали эту новенькую, но это не причина. Вы очень добры и, конечно, воздержитесь от того, чтобы испортить мне ее за эти три месяца. Она только заканчивает полицейскую академию. Скажем так: я прикрепляю ее к вам на испытательный срок. И будете держать Ронана подальше – никаких поганых историй на службе, будьте любезны.

Последний этаж стеклянного лайнера. У себя в кабинете комиссар полиции Стевенен, начальник уголовной полиции 93-го, пытался с минимальным ущербом выбраться из аналогичного разговора.

– Некий Бебе Кулибали, месье. Он находится под хорошей охраной в больнице Жана Вердые; мои люди ждут его пробуждения, чтобы как следует взяться за дело.

– Взяться? Стевенен, разве это еще не сделано?

Комиссар сдержанно вздохнул. Когда директор в плохом настроении, самое лучшее – заткнуться. Он выслушал дальнейшее.

– Нет никакой возможности действовать скрытно. Разумеется, газеты начеку. Ситуация достаточно безумная, чтобы вдохновить этих борзописцев. Заметьте, я их понимаю: случись такое в другом месте, эта история меня почти заинтриговала бы. Но здесь она меня раздражает. Понимаете?

– Я понимаю, господин директор.

– Кто этим занимается?

– Кост и его команда. С лейтенантом Обеном, который уходит через два дня.

– Знаю. Два года его заставляли бежать, как осла за морковкой; в конце концов, надо суметь и отпустить.

– Вы уже подумали, кто его заменит на программе SALVAC, месье?

– Разумеется. Если рассчитывать следует только на вас... У меня есть человек, который справится. Он ждет лишь того, чтобы его задействовали.

Остаток информации Стевенен почти выклянчил.

– Могу ли я позволить себе спросить вас, кто... пускай, по крайней мере, будет видимость, что эта идея исходит от меня.

У начальника уголовной полиции была репутация человека жесткого и не отличающегося деликатностью, манипулятора, который запросто может унижить, иногда и в открытую, умно и жестоко.

– Мальбер. Я посылаю вам Люсьена Мальбера. Мой заместитель уже объяснил ему всё в общих чертах, и я предоставляю вам возможность устроить его в вашей службе: создастся впечатление вашего участия.

9

Прошел остаток среды, но состояние Бебе Кулибали еще не позволяло его допросить. На следующий день, придя первым, Кост уже набросился на вторую порцию кофе, воспользовавшись спокойной минутой, когда мог побыть один. Непроизвольно он разглядывал афишу APEV, приклеенную скотчем на кофемашину. Ассоциация помощи родителям детей – жертв преступления. Ему с самым счастливым видом улыбался десяток детских лиц – похищенных или без вести пропавших. Афиша обязательна. Она должна быть размещена в каждом комиссариате Франции на видном месте, чтобы все – и полицейские, и посетители – могли ею проникнуться. Капитан представлял себе убитых горем родителей в тишине пустой комнаты, листующих семейные альбомы в поисках самого похожего снимка, не в силах помешать себе выбрать самый красивый. Результат – неправдоподобная мозаика детских портретов, широко улыбающихся под словом ПРОПАВШИЕ, набранного красными прописными буквами. Это кого угодно вывело бы из равновесия. Некоторые пропали настолько давно, что рядом с их фотографиями были добавлены портреты, выполненные специалистами по законам возрастных изменений лица. Виртуальное состаривание, которое, по мнению художников, должно соответствовать тому, как они должны выглядеть сегодня. Кост по опыту знал, что если начинаешь воображать себе изменения лица исчезнувшего ребенка, остается не так много надежды.

Он вышел из комнаты отдыха с тремя разными стульями вокруг кофемашины и вернулся к себе в кабинет. Чтобы освободить место для чашки, оттолкнул несколько папок к столу Обена, уже пустому за несколько дней до ухода.

Виктор набрал прямой номер лаборатории. Ему ответила начальник Национального института криминалистики. Она поприветствовала его с акцентом, который он определил как говор Перпиньяна[12 - Французский город между Пиренеями и Средиземным морем.].

– Образцы крови принадлежат мужчине по имени Бебе Кулибали; полагаю, вы это уже знаете. А вот кровь на свитере вовсе не его. Сожалею, но у вас есть и вторая жертва преступления.

Кост закрыл глаза. По всей вероятности, это было бы слишком просто.

– Уже фигурирующая в картотеке?

– Да. Франк Самой, родился пятнадцатого марта восемьдесят второго. Посылаю вам отчет по почте.

\* \* \*

Франк Самой. Кост порылся в полицейских файлах. Ничего серьезного. Мелкий наркоторговец, за которым числились истории с небольшими дозами. По сравнению с обычными клиентами он почти заслуживал звания хорошего парня. В розыске не находился, в тюрьме никогда не был, счастливый обладатель красного «БМВ» 633-й модели 1982 года выпуска – совпадает с его годом рождения.

\* \* \*

Вероятность наличия другого мертвеца, будто привидение, витала над божественной статистикой. Дамиани восприняла это достаточно скверно, и Кост получил недвусмысленное приглашение действовать как можно быстрее. Он отправил Сэма и Ронана проверить адрес владельца залитого кровью свитера и сказал Обену связаться с больницей Жана Вердые, чтобы узнать, в каком

состоянии находится Спящий Красавец.

Немного взвинченный дежурный интерн умолял его поторопиться: гигант проснулся и уже начинал буянить.

\* \* \*

Наблюдатели на городских площадях свистели, завидев его машину – хотя та была без номеров, – предупреждая дилеров о присутствии полицейских. Мальчишки, ростом не выше ящика для писем, принимались кричать:

– Арте?на! Артена![13 - На арабском означает «бросай». Предупредительный крик при проезде полицейского патруля. – Прим. авт.]

Чтобы получить работу наблюдателя, надо быть хорошим физиогномистом, и на этот раз двоим субъектам с не самой приятной внешностью это удалось выше всяких похвал. О, эти поездки по мосту Бонди с ватагой нищих калек на всех светофорах, слетающих на красный свет! Мост Бонди, страна чудес...

Они припарковались у ступенек отделения судебной медицины и вошли в здание с выцветшей краской на стенах и драным линолеумом. Кост остановился перед газетным киоском, затерянным в углу вестибюля.

– Хочешь взять ему что-нибудь почитать? – пошутил Обен.

Тот не отреагировал. Его внимание сразу приковал к себе заголовок «В парижском морге воскресают мертвые». Проиллюстрированный фотографией Института судебно-медицинской экспертизы на фоне угрожающе мрачного неба, будто это дом с привидениями. Кост подумал о Леа Маркван. В течение дня он позвонит ей.

Обязательно.

Капитан пробежал глазами заголовки, пока Обен предъявлял полицейское удостоверение в медицинском секретариате. Медсестра шаркающей походкой проводила их к палате номер 21, а затем, ни слова не говоря, развернулась и ушла.

Вытянувшись на животе, Бебе Кулибали встретил их появление ворчанием, в котором Кост разобрал только слово «фараон» с парой ругательных эпитетов в качестве знаков препинания.

Кост присел рядом с ним на кровати, на которой пациент едва уместался.

– Итак, тебя зовут Бебе Кулибали, тебе двадцать семь лет, твоя площадка для игр – кварталы Поль-Вайян-Кутюрье, и вчера вечером... – он поискал наиболее правильные слова, – тебя по меньшей мере жестоко избили и покалечили. Это серьезно. Понимаешь? Знаешь причину?

– Ни одной.

– Это не ответ. Кто бы мог это сделать?

– Знать бы... Обещаю, разберусь с этим сам.

– Ага, вижу, прямо весь из себя мститель... Ты знаешь Франка Самоя?

– Никого я не знаю.

– Однако на тебе был его свитер.

На лбу гиганта образовались две большие морщины, позволяющие предположить, что тот пытается поразмыслить. Это могло занять какое-то время. Кост снял пальто и устроился на подлокотнике кресла, а затем продолжил:

– Слушай, я понимаю, что ты нас не особенно любишь, и, уверяю тебя, мы относимся к тебе точно так же. Но мы оба оказались в той ситуации, когда должны сделать над собой усилие. Ты – чтобы поговорить со мной, а я – чтобы найти мотив для расследования, где жертва – ты, грабитель, переквалифицировавшийся в наркоторговца. А серьезно, какой у тебя рост? Почти два метра? Как ты мог допустить, чтобы тебя похитили?

Бебе послушно повернулся на четверть к обоим полицейским.

– Слушай, легаш, я помню только о трех вещах. Первая – я занимаюсь починкой электричества у себя в погребе. Там меня вроде бы огрели по затылку чем-то холодным. Больше ни звука, ни картинки. Вторая – я просыпаюсь. Лежу на животе, не могу пошевелиться, у меня дикое похмелье. Вначале я подумал, что лежу в темноте. Услышал звук шагов. Посмотрел налево, направо и почувствовал ткань у себя на коже. У меня на голове был чертов мешок. Я почувствовал, что мне что-то обвязывают вокруг... – Несмотря на рост и страшную рожу он, судя по всему, еще не был готов заново пережить эту историю. – Затем я вырубился.

– А третье?

– Ты наводишь на меня «пушку» в морге, наглая твоя рожа.

– Ну да, признаюсь, ты меня немного удивил... У тебя был с собой мобильник?

– Я дам его тебе не раньше, чем ад замерзнет. Ты считаешь меня наркодилером, а где ты видел наркодилера, который давал бы свой мобильник?

– Начхать мне на твою торговлю, я не из наркоотдела; но если у тебя был мобильник, можно было бы попробовать отследить путь, который ты проделал. А если его у тебя украли, можно было бы точно знать, где он сейчас находится, понимаешь?

– Мой мобильник так и остался у меня дома, я спустился в подвал без него.

Кост обернулся к Обену:

– Начинаешь допрос, и чтобы все подробно. Я зову остальных.

Обен развернул кейс с ноутбуком и записывающим устройством.

– Ладно. Еще раз с самого начала. Имя? Фамилия? Дата рождения?

\* \* \*

В вестибюле больницы Кост делал заметки, зажав телефон между ухом и плечом. Ронан и Сэм отправились к Франку Самою.

– Он огорчает свою бедную мать, у которой живет в Гагарине[14 - Один из пригородов Парижа назван в честь Ю. Гагарина.], что в Роменвилле. Собственная комната, несколько шмоток, два-три шарика конопли. Его старушка одарила нас чашкой кофе и телефонным номером своего отпрыска, от которого ей столько огорчений.

Уровень сочувствия Ронана никогда не преодолевал нулевой отметки.

Сэм, оказавшись в своей стихии, сразу же запустил первые геолокационные исследования, чтобы знать, в каком уголке может находиться телефон. Подробный список последних звонков и точный маршрут за последние несколько дней. Кровь у них в распоряжении уже была, дело оставалось за малым – найти ее хозяина.

Кост сделал уже шагов сто, когда Обен отыскал его на входе в больницу.

– Как насчет того, чтобы наведаться в погреб Бебе?

10

Городок Поль-Вайян-Кутюрье, здание F. Чтобы попасть в большинство зданий 93-го, достаточно толкнуть дверь. Дом Бебе не составлял исключения. Вырванный из стены кодовый замок висел на электрическом проводе. Стекла в вестибюле разбиты, замок выломан, почтовые ящики в лучшем случае взломаны, в худшем сожжены. Добро пожаловать.

Во втором подвале в коридоре, больше похожем на туннель, освещенном голыми лампочками, то тут, то там свисающими с потолка, они остановились перед погребом под номером 38. Кост ввел электронный ключ, который перед этим позаимствовал у охранника, и открыл дверь. Открывается налево – значит, выключатель справа. Кост пошарил рукой по стене в его поисках. Яркий свет явил взору нагромождение картонных коробок, набитых одеждой, и два

велосипеда, придавленных остовом скутера.

– Либо он успел все починить до своего похищения, либо здесь никакая починка электричества и не требовалась.

Кивнув, Кост вышел из погреба, чтобы обследовать следующие. В глубине коридора на одной из дверей под номером 55, в дополнение к обычному замку, был еще и висячий.

\* \* \*

Несколькими минутами позже снова появился Обен – с ломиком в руках. Висячий замок сдался почти сразу и упал на пол, электронный ключ довершил дело. Внутри свет не включился. Кост зажег свой «Мэглайт» и, поставив его на пол, принялся считать: десяток презервативов, несколько окурков от косяков, бутылки из-под пива разных марок и темно-желтый от грязи матрас без простыни.

Обен зажег свой карманный фонарик.

– Вот здесь – да, для электрика есть работа.

Луч света отразился от серебристой обертки. Обен нагнулся, чтобы подобрать три пустые упаковки из-под лекарств, которые он развернул, чтобы можно было прочесть название.

– «Виагра» и «Тадалафил». Действительно. Что правда, то правда: ударить в грязь лицом перед приятелями было бы стыдно.

Кост смотрел на все это совсем по-другому.

– Вот что я особенно отметил бы: у малышки, которая попадает сюда, определенно нет ни единого шанса выбраться.

– Отправим все презервативы на анализ ДНК?

– Ага, по четыреста евро за анализ... Судья вряд ли станет выкидывать десять тысяч из национального бюджета ради притона в погребе. Если же обратиться в полицейскую лабораторию, результат будет через полгода. В любом случае, нет доказательств, что существует хоть какая-то связь между Бебе Кулибали и погребом... – Кост немного отступил назад. – И погребом пятьдесят пять. Это представляет дело совершенно в новом свете.

Когда Обен вернулся на освещенное пространство, труднее всего на свете ему было отделаться от охранницы здания и ее списка несчастий. Мальчишки в вестибюле, гонки на скутерах на автостоянке, слишком громкая музыка, самовольно заселившиеся жильцы, полиция, которая ломает двери в шесть утра – а чинить их никто не станет... Обен уже вышел из здания, а охранница по инерции все продолжала и продолжала говорить. Он отчитался перед Костом:

– Конечно, погреб пятьдесят пять никому не принадлежит, или, скорее, относится к квартире, где собственник еще не определен мэрией. И потом, как заявила охранница, больше похожая на философа, «природа не терпит пустоты»...

– А квартира?

– Согласно регистрационным записям она пуста и ждет, когда ее передадут какой-нибудь семье.

– Возможно, нам стоит...

– У меня есть ключи.

\* \* \*

Шестью этажами выше, вскарабкавшись по лестнице, пропитанной запахами мочи и чего-то горелого, они повернули ключ в замке двери с номером F5 типовой меблированной квартиры, резко выделявшейся на фоне окружающей грязи: новое ковровое покрытие, новые обои, запах чистоты.

Кост остановился перед окном гостиной, за которым открывался вид на промышленные зоны и городские здания, и зажег сигарету.

– Ты же видишь: как ни крути, вырисовывается одно из самых паршивых дел в моей карьере.

– Честно говоря, мысленно я уже не здесь. Все, что я могу, – посочувствовать тебе.

– Твоя заместительница только закончила полицейскую школу. Совсем девчонка. Де Риттер, Йоханна. В девяносто третий даже нос не совала. Поможет мне это, как же...

11

Тем временем Сэм и Ронан сидели в гостиной Сюзетт Самой, уже собираясь уходить. Та с трудом пыталась вытащить из пластиковой рамки фотографию сына в праздничном костюме на свадьбе своего двоюродного брата, одновременно отталкивая старого кота, заинтригованного происходящим. Оскорбленный, кот тяжело спрыгнул со стола, некоторое время путался под ногами у полицейских, а затем устроился на пустой тумбе для телевизора. Один из недостатков сына-наркомана: пытается продать из дома все, что можно.

Сэм получил на мобильник фото Франка Самоя из полицейской картотеки.

Лежащие рядом, эти два снимка – сделанный на свадьбе и другой, в помещении для задержанных, – были словно с плаката, наглядно демонстрирующего состояние «до» и «после». До наркотиков – после наркотиков. Сбросивших с него килограмм пятнадцать, нарисовавших ему темные круги вокруг глаз, зажелтивших оставшиеся зубы, добавивших усталости, из-за которой Франк выглядел лет на десять старше, и обеспечивших взгляд ежа, выхваченного из темноты светом фар внедорожника. Если не считать всего этого, на обеих фотографиях было одно и то же лицо.

– Вы можете оставить фотографию у себя, но если посадите его в тюрьму, не могли бы зайти сюда, чтобы я дала ему чистую одежду и поцеловала его?

Ронан вздохнул. Сэм пообещал. Кот, воспользовавшись открытой дверью, улизнул, а Сюзетт сохранила достойный вид, пока за полицейскими не закрылась дверь.

– Тебе обязательно так вздыхать?

– Мы имеем тех детей, которых заслуживаем.

– Безусловно, твоя мать говорит то же самое...

\* \* \*

Снабженные двумя фотографиями, они отправились на поиски его приятелей по «работе» – или хоть какой-то информации. Сэм поторопил Ронана, чтобы не шататься весь день по окраинам пригорода Гагарин в Роменвилле.

– Ну серьезно, ускорься хоть немного. Нам сейчас предстоит позвонить в сотню дверей, если мы в самом деле хотим чего-то добиться. Начнем с северной стороны и двинемся на юг.

– Вообразил себя индейским следопытом? И где здесь север?

– Подними глаза и поищи спутниковые тарелки на окнах, они всегда направлены на юг, это правило. Теперь, когда ты знаешь, где юг, у тебя получится отыскать север?

– Я в твоём распоряжении, Покахонтас.

Напарники, которые так странно смотрелись вместе, распределили обязанности: Ронан задавал вопросы, а Сэм с видом инженера-компьютерщика делал заметки. Они сталкивались с закрытыми дверями, с семьями, предпочитавшими молчание неприятностям, со стариками, которые ничего не слышали, и молодыми, посылавшими их куда подальше. Конец операции. Обычное EVVR 93-го департамента – опрос соседей, он же трата времени впустую.

Сэм приложил как можно больше усилий, чтобы припарковаться подальше от этих кварталов. Но все равно передние шины служебного «Ситроена СЗ» оказались проколоты, стекло разбито, а салон залит содержимым огнетушителя. То, что здесь болтаются двое полицейских, задающих слишком много вопросов, не осталось незамеченным. Четыре часа оказались потрачены зря, к тому же возвращаться пришлось общественным транспортом.

\* \* \*

Когда они вернулись в отделение, Обен уже выставил угощение для отважной; на большом столе для собраний стояли бутылки шампанского, будто кегли, приготовленные для игры. Чуть в отдалении Ронан сообщал Косту:

– У нас «си-третий» сдох. Его уже доставили эвакуатором в полицейский гараж.

– Авария?

– Нет, Гагарин.

– Остается «Пежо триста шесть», но он еще не на ходу. На завтра я одолжу тачку у другой группы. А ты звонишь своему приятелю в гараж и обеспечиваешь, чтобы «си-третий» починили в первую очередь, иначе все эти недели будешь ходить пешком.

\* \* \*

Держа бокал в руке, комиссар Стевенен произнес похвальную речь самоотверженному полицейскому и такому хорошему товарищу. Невероятно: каким бы ни был полицейский, когда его провожают, он всегда становится самоотверженным и самым лучшим товарищем.

Старшие офицеры испарились одновременно с шампанским, уступившим место более крепким напиткам. Вечеринка продолжалась, разговоры делались все более бессвязными. В два часа ночи Сэм погрузил Ронана, будто тюк с бельем, на заднее сиденье машины. Кост же доставил Матиаса на лестницу его семейного домика в пригороде. Он припарковал машину поперек и с осторожностью,

свойственной всем пьяным, пошатываясь и поддерживая под руку своего друга, словно выводя раненого с поля боя, пробирался вдоль забавного садика, тщательно следя, чтобы не поломать ни одного цветка. Вспыхнул свет над крыльцом, и обоих мужчин встретила полусонная Лора Обен, бросившая опечаленный взгляд на свой частично уничтоженный цветник. Одного из пришедших она уложила спать как есть, прямо в одежде, а другого не отпустила без чашки крепкого кофе.

В пустом доме среди картонных коробок оставались включенными лишь кофеварка и радиобудильник.

– У тебя не будет сахара?

– Уже упакован, но если хочешь, могу достать...

– Тогда не надо. Ты вернулась ради переезда?

– Учитывая, сколько времени ты оставляешь Матиасу, я гораздо быстрее соберусь одна.

Лора зажгла сигарету и протянула ему еще одну. Кост мысленно отметил, что она красива, даже в домашнем платье и спрятавшись за своими волосами, что его друг прав, что уходит, и еще что сам он немного под градусом.

– Ты храбрая, – сказал капитан для завязки разговора.

– Может быть. Завтра утром наконец отдаем ключи от дома; я рассматриваю это как последнее усилие. Осточертело все делать одной. Вот уже два года, как Матиас в депрессии, два года, как он отсутствует, даже когда мы вместе.

– Не беспокойся, я возвращаю его тебе.

– Виктор, мы очень хорошо к тебе относимся, клянусь, но удаление Матиаса от тебя, от девяносто третьего и от работы – самое лучшее, что может с ним случиться.

Кост принялся напряженно размышлять об этом и в размышлении вернулся к себе, собираясь лечь спать. Уже некоторое время он чувствовал, что Обен все больше и больше отдаляется. От него, от остальных, от работы. Отец семейства, лишенный семейства, в навязанном кем-то одиночестве. Он бы так долго не продержался.

Кост ворочался с боку на бок в кровати, а затем взял одеяло и устроился на диване, чтобы убаюкать себя повторами передач на огромном экране – единственном украшении гостиной.

12

Первое анонимное письмо Кост получил в день ухода Обена. Среди обычной служебной корреспонденции, доставленной в секретариат, он нашел конверт со своими именем и фамилией, написанными от руки. Вскрыв его, обнаружил сложенный вдвое листок бумаги, развернул его.

Код 93

Передозировка – 16 марта 2011 года

Сквот в бывшей мэрии Ле-Лила.

Сначала Кост сказал себе, что, похоже, неприятности окончательно подружились с ним. За несколько секунд он подвел итоги, мысленно разложил всё по полочкам и составил список действий, которые должны из этого следовать. Затем взял конверт и письмо за уголок, чтобы оставить на них как можно меньше отпечатков, и, воспользовавшись тем, что в коридорах еще не было оживления, сделал ксерокопию того и другого. Наконец сунул оригиналы в конверт из крафт-бумаги, который спрятал в одном из ящиков своего стола. Крафт-бумага лучше сохраняет ДНК.

Текст письма вернул его к делу годичной давности. И в этом деле, должно быть, содержится ошибка, упущение, какой-то прокол, песчинка, из-за которой он сегодня стал счастливым получателем дополнительной корреспонденции.

На конверте значились его имя и фамилия, но ни единого упоминания ни о звании, ни о службе. Кост счел это большой вольностью и решил, что в настоящее время ему только это и остается.

Семь часов тридцать минут, у него есть еще несколько секунд перед встречей с самыми ранними пташками из полицейских.

С копией в руке Кост направился к архивам службы. Закрыв за собой дверь, он окинул взглядом просторное помещение, заставленное бесконечными рядами тщательно рассортированных папок. Память уголовной полиции 93-го, бортовой журнал преступлений.

На ходу его палец скользил по материалам следственных действий, и месяцы потекли вспять. Перед глазами капитана проходили имена преступников, жертв; сцены совершенных правонарушений снова по-хозяйски расположились в его памяти.

Кост остановился на марте 2011-го, как было указано в письме. Без труда нашел нужное дело, вынул из папки, а затем уселся на тощее ковровое покрытие, чтобы прочесть досье, которое открыл у себя на коленях.

В первых протоколах осмотра места преступления описывалась молодая женщина, найденная мертвой в бывшей мэрии Ле-Лила. Писавший был хорошо информирован. Может быть, другой полицейский?

Присутствие сил правопорядка заставило обитателей сквота разбежаться, расследование по соседству оказалось напрасным. При жертве не было обнаружено никаких документов, она стала «неопознанным трупом». Кост раскрыл запись отчета судебно-медицинского эксперта. Его взгляд перескакивал с параграфа на параграф, задерживаясь лишь на самых важных сведениях.

«Неопознанное тело, женщина, около 20 лет, рост 160 см, вес 49 кг, зарегистрирована в Институте судебно-медицинской экспертизы под номером 11-1237, обнаружена 16 марта 2011 года в 17.30. Вскрытие осуществлялось доктором Леа Маркван».

«Многочисленные вагинальные разрывы, причиненные введением тупого предмета. Точно такие же анальные повреждения. Сильная изношенность промежности».

«Синяки на обеих верхних конечностях, местоположение наводит на мысль об удерживании жертвы. На обоих коленях синяки, соответствующие волочению тела по земле».

«Анализ крови – значительное присутствие героина, кокаина, каннабиса».

«Изъязвление слизистой оболочки носа, бруксизм[15 - Непроизвольное скрежетание зубами.]с последствиями в виде зубного некроза – привычка, сопутствующая героиново-кокаиновой наркомании».

«Инфекционный некроз в местах уколов: внутренние стороны локтей, пальцы, пальцы ног, ступни – соответствует наркомании героин-кокаин».

«Причина смерти – передозировка при инъекции героина, острый отек легких».

К отчету прилагалась серия фотографий жертвы, подводящая итог образу ее жизни. Или образу выживания? Ночи, проведенные в поисках наркоты, утро уже в отключке. Проведена идентификация отпечатков пальцев. Проведена идентификация по базе ДНК. Была соблюдена стандартная процедура, требующая, чтобы фотографии неопознанного тела стали предметом общенационального распространения.

Кост не забыл этот день. Несколько матрасов, положенных в заброшенной мэрии, два этажа, один из которых целиком занят под туалет, окна, закрытые газетной бумагой. Первое дело Сэма, едва поступившего на службу. Учув запах дерьма и гниющих отбросов, он отказался составить рапорт и даже сделать хоть шаг в старый дом. Ронан тогда пошел на хитрость.

– Малышка настолько чувствительна?

\* \* \*

Кост пробежал глазами все, что оставалось в досье. Последние протоколы быстро положили конец расследованию. Обен, занимающийся этим делом, осуществил сопоставление по программе SALVAC. Мелкая наркоманка «разговорила» компьютер; тот нашел совпадение между ее делом и многочисленными другими смертями вследствие потребления героина, в который были подмешаны гипс и стрихнин.

Отзыв прокуратуры, в котором предлагалось передать дело центральному офису по борьбе с оборотом наркотических средств. Было получено согласие отказаться от дела.

Пятьдесят три страницы. Для расследования уголовного дела немного коротковато. Однако Обен, судя по всему, сделал свою работу как следует. Может быть, недостаточно с точки зрения того, кто отправил анонимное письмо. Должно быть, Кост прошел мимо чего-то существенного.

Полицейского такое нервирует.

Восемь часов десять минут. Департамент начинал просыпаться. Кост вышел из зала с архивами, оглядываясь, как если б он был в чем-то виноват, и направился к своему кабинету, ощущая, будто совершил что-то преступное в здании, битком набитом полицейскими.

13

Повернувшись в сторону зимнего сада длиной около десяти метров в полностью застекленном переходе, соединявшем по центру северное крыло здания уголовной полиции 93-го департамента, около восьмидесяти полицейских стояли, вытянувшись по стойке «смирно», неподвижные, некоторые с закрытыми глазами, остальные устремив взгляд в пустоту, соблюдая полнейшую тишину. Накануне в машину одного из коллег на скорости 130 километров в час врезался

«Порше Кайенн», за рулем которого сидел грабитель, находящийся в розыске. Коллега умер мгновенно – и за это удостоился посмертного повышения в звании и минуты молчания. Еще только начало года, а полицейские уже второй раз собираются здесь. По статистике, в среднем за год десять тысяч полицейских бывает ранено, около десятка умирает и еще больше убивают себя сами. Без сомнения, это собрание далеко не последнее.

Шестьдесят секунд истекли – и каждый, внезапно снова оказавшийся посреди рабочих будней, вернулся к своим расследованиям.

\* \* \*

Телефонный оператор прислал Сэму результаты на электронный почтовый ящик. Сигнал мобильного Франка Самоя был обнаружен и демонстрировал странную активность. Звонок, длящийся несколько секунд с периодичностью ровно три часа. Первый – в девять утра, последний – в девять вечера, перенаправленный на голосовую почту, но сообщение не было оставлено. И так в течение трех дней. Слишком регулярно, чтобы быть случайным. Сэм проанализировал, какие ячейки системы мобильной связи были задействованы этими звонками, и засек местонахождение мобильного примерно в нескольких кварталах. Он бросил кучу скрепок в Ронана, сидящего напротив и поглощенного журналом, который, без сомнения, тот до этого уже читал.

– Я не собираюсь тратить время, снова пытаюсь тебе объяснить, что такое ячейка мобильной связи в мире телефонии. Единственное, что тебе необходимо, – это знать, что мобильник Самоя обнаружен в Пре-Сен-Жерве – жилом районе квартала Бельведер, в периметре, ограниченном несколькими улицами.

– Кого?

Сэм уставится на него как на клинического идиота.

– Франка Самоя! Типа, которого мы ищем. Кровь на свитере великана... Черт, мы же вчера виделись с его матерью! Здесь целый день присутствовал ты – или твоя голограмма?

Ронан закрыл журнал и стряхнул с джинсов скрепки.

– Мне очень нравится квартал Бельведер, это один из самых буржуазных уголков девяносто третьего. Обход района?

– Только предупрежу Коста.

14

Увидев ее в первый раз и со спины, Кост с трудом проглотил «здравствуйте, месье», таким образом избежав неловкой ситуации. Выше его как минимум на голову, очень светлые волосы пострижены ежиком, телосложение, позволяющее претендовать на все физические аттестаты или место в отряде быстрого реагирования. Коричнево-зеленый камуфляж и свитер из черного флиса подтверждали неоднозначность этой особы.

Не вставая из-за стола, начальник полиции Дамиани представила их друг другу:

– Лейтенант Йоханна Де Риттер, капитан Кост, начальник следственной группы ноль-один.

Он тут же подумал о Ронане, который, объявив о поступлении к ним новой коллеги женского пола, должно быть, представлял себе все что угодно, но не это. Он не был бы разочарован.

– Добро пожаловать, лейтенант.

Та встала, вытянулась по стойке «смирно». Дамиани не дала ей времени ответить.

– Ну вот, дело сделано, а теперь выметайтесь из моего кабинета. Кост, введете Де Риттер в курс дела – и возвращайтесь к своему кастрированному великану и тому, кто уделал его свитер.

Выйдя вдвоем из кабинета, офицеры углубились в один из длинных коридоров уголки.

– Де Риттер, правильно?

– Так точно, капитан.

Несмотря на рост Коста – метр восемьдесят, – ей пришлось опустить глаза, чтобы ответить ему.

– Хорошо, а сейчас давайте кое-что уладим. Меня зовут Виктор или Кост, я предпочитаю Кост; Виктором меня зовет разве что мама. В девяносто третьем две следственные группы, и все убийства стекаются к нам. Я начальник группы ноль-один. На время испытательного срока ты займешь стол лейтенанта Обена. Я трудился вместе с ним десять лет, и его уход всем здесь тяжело пережить, поэтому не жди, что тебя примут с распростертыми объятиями.

– К этому я привыкла.

Кост оценил ее юмор.

– С нами еще Ронан. После ухода Матиаса он автоматически становится моим напарником. Не слишком обращай внимания на то, что он говорит, просто держи в голове, что если будет нужно идти в огонь, Ронан – тот человек, которого хорошо иметь рядом. Обращаться с ним нужно с особой осторожностью; я и сам считаю его нестабильным взрывчатым веществом.

– Так точно.

– Остается еще Сэм. Если понадобится пойти в огонь, от Сэма не будет никакого толка, но это настоящий клещ. Вцепится в человека – и больше не отпускает его. Я также оставляю ему все технические изыскания, в которых ни Ронан, ни я на самом деле ни уха, ни рыла. Остается лишь найти твое место. Наблюдай, молча учись, не лезь вперед – и все будет хорошо. Помнишь курс субординации?

– Не самый мой любимый предмет в полицейской школе, но я буду помнить его в пределах трех месяцев.

– Точнее, девяноста дней, вот так. Это время, которое требуется, чтобы тебя зауважали или как минимум приняли. Отсчитываем начиная с этого момента.

Для оперативной поддержки у нас есть следственная группа ноль-два во главе с капитаном Жеврик. Ты побольше узнаешь о ней, а когда это произойдет, возненавидишь ее, как все. Уважение достигается компетентностью, она же пытается достичь его криком. В результате состав ее команды постоянно меняется, и там не достичь ни малейшей сплоченности. Это мелкий тиран, и я стараюсь работать с ней как можно меньше, но подчиненные капитана, в противоположность ей самой, – хорошие полицейские.

– Ясно.

Кост остановился перед дверью секретариата.

– Вот здесь тебя со всем ознакомят, получишь все эти именные штуки – тебе присвоят коды и логины для полицейской картотеки, откроют электронный почтовый ящик, тебя проведут в оружейную, выдадут пистолет, тонфу[16 - Здесь: полицейская дубинка с поперечной рукоятью.] и нарукавную повязку. Секретариат – как медсестры; ты можешь быть самым лучшим хирургом отделения, но если повернешься к ним спиной, все может моментально усложниться. Затем надо будет, чтобы ты прошла тесты в тире на стенде с мониторами, перед тем как сможешь носить оружие. Группа тебя сопровождает – это даст нам возможность немного притереться друг к другу и посмотреть, чего ты стоишь.

– Есть.

– Ты хоть когда-нибудь говоришь более длинными фразами?

Немного выбитая из колеи, лейтенант поправилась:

– Просто я...

– Да ладно, я немного пошутил – все мы когда-то начинали, не зная, что говорить. Не напрягайся так, будь порядочной, не слишком сплетничай, и никто не заметит твоего присутствия. В первые дни твоя главная задача – наблюдение. И невидимость.

За спиной Коста вошел Сэм и прервал разговор, даже не поинтересовавшись, не побеспокоил ли он их.

– Номер, который передала нам мать Савоя, выявлен в границах Пре-Сен-Жерве. Звонок каждые три часа – минута в минуту.

– Другие звонки?

– Никаких, только этот каждые три часа в течение трех дней, перенаправляется на голосовую почту; при этом не оставляют ни единого сообщения. Первый звонок в девять утра, затем – в полдень, пятнадцать и восемнадцать часов, последний в девять вечера.

– С девяти утра до девяти вечера – похоже на рабочее время полицейского... С какой целью? Приглашение, чтобы его обнаружили?

Сэм прервал разговор и в упор посмотрел на Де Риттер.

– Извини, Сэм, я представляю тебе лейтенанта Йоханну Де Риттер. Йоханна, это Сэм. Теперь оставляю тебя в руках секретариата, нам нужно прогуляться в Пре-Сен-Жерве. Похоже, кому-то хочется, чтобы мы туда отправились.

По дороге к кабинету Сэму не удалось скрыть улыбку.

– Серьезно, это и есть Де Риттер? Ронан ее видел?

– Еще нет.

– Знаешь, что уже два дня, как у него только ее фамилия на уме?

– Ага, знаю. Будет забавно.

– Все еще устанавливаем очевидность преступления, месье прокурор. Направляемся к коммуне Пре-Сен-Жерве, квартал Бельведер. Кровь, обнаруженная на свитере Бебе Кулибали, принадлежит уже упомянутому Франку Самою, наркоману, известному нашим службам. Сходили к его матери, у которой нет от него известий уже несколько недель, она снабдила нас телефоном его мобильного. Это номер, который зафиксирован в пределах квартала Бельведер.

– Думаете там его отыскать?

– Знаете, это просто определение территории, помогающее нам в поисках: не то чтобы точный адрес, но хотя бы район. Все легче, чем поселок из пятнадцати двадцатипятиэтажных домов. С другой стороны, на свитере его кровь, и у меня есть сомнения насчет состояния его здоровья. Но как только мы что-нибудь найдем, я вам позвоню.

Разъединив вызов, Кост убрал мобильник к себе в куртку. Ронан был за рулем, а Сэм на заднем сиденье озвучивал бессовестно приукрашенное описание Йоханны Де Риттер.

– По-моему, давно пора! В группе не хватало хорошенькой задницы; меня уже достало пялиться на твои бедра, Сэм. Я, знаешь ли, не фанат тюремных нравов, а в нашем управлении даже пофлиртовать не с кем.

– Ты просто плохо ищешь.

– Ты говоришь, они скрываются. Не снимают верхней одежды и плюют на землю, чтобы выглядеть как можно менее женственными. Когда они возвращаются с вечеринки, то вынуждены переодеваться в метро, прежде чем появиться у себя на районе. Для некоторых здесь девушка, которая носит юбку, – уже шлюха.

– Ты сгущаешь краски, Ронан.

– А девчушка, которая совершила самоубийство у себя под окнами?

– Это просто потому, что она встречалась с типом не из своего района. Но ты-то говоришь о той, которой ножом расписали лицо в клеточку.

– Ну да, я каждый раз их путаю.

\* \* \*

Машина припарковалась на вершине холма Пре-Сен-Жерве.

– Сэм? – спросил Кост.

Тот положил свой планшет на капот машины и несколькими движениями открыл карту местности.

– Хорошо. Квартал представляет собой квадрат из четырех улиц. Внутри квадрата насчитывается три проспекта, названных в честь деревьев; лично я предпочитаю, когда называют в честь поэтов, ну да ладно... Итак, у нас тут Акации, Ивы и Каштаны. Я заглянул на сайт по недвижимости. Мы сейчас разобьемся в лепешку, но обойдем семьдесят четыре дома. Мобильник находится в одном из них.

– А если нам хоть немного повезет, рядом с мобильником будет и Франк Самой.

– Да ты просто оптимист, Ронан. Хочешь, чтобы мы действовали, как Кост?... – Несколько мгновений капитан размышлял. – Я хорошо знаю это место. Здесь ни одной виллы дешевле чем за четыреста тысяч евро, а наш парень не может заплатить даже квартплату. Либо его кто-то приютил, либо он поселился в заброшенном доме. Лично я склоняюсь ко второму варианту. Можно обшаривать дом за домом, а можно сразу найти старуху, которая знает квартал, шпионит за соседями и знает все сплетни. Без толку заглядывать в дома, где есть сад с детской площадкой, павильон, перед которым стоит новая тачка, и те, на которых спутниковая антенна. И нам надо найти нашу старуху. Ронан, ты берешь Акации, Сэм – Каштаны, я – Ивы, и первый, кто что-то найдет, звонит остальным.

Трое полицейских разделились. Спустя каких-то двадцать минут тем, «кто звонит остальным», оказался Ронан. Сэм и Кост встретились с ним у дома 15 по проспекту Акаций.

– Вам это понравится. Нашел тут кое-то хорошее... Знаете, что?

Он показал игрушечную рацию – круглую и розовую, привязанную к решетке виллы и обращенную к запущенному саду. Из зарослей сорняков едва виднелась небольшая статуя, почтовый ящик украшала табличка «Осторожно, злая собака».

– Чертова детская рация. В этой халупе такие всюду развешаны.

Сэм удивленно свистнул.

– Поздравляю, ты нашел районного параноика.

Из рации послышалось:

– Длинный со смешной рожей остается снаружи, такого мне у себя дома не надо! Посмотрим, какой я вам параноик!

Все трое подняли глаза на дом, чтобы увидеть, что за ними наблюдает какой-то силуэт, которого было не разглядеть как следует из-за солнечного блика на стекле. Потом он исчез.

Ронан был на седьмом небе, о большем он даже и не мечтал.

– Так вот, длинный со смешной рожей, ты благоразумно ждешь нас, а мы займемся полицейскими делами. Если хочешь, можешь заменить злого пса, он давно умер, мир его душе, – в заключение сказала детская рация.

Другая, той же марки и того же цвета, оказалась привязана над звонком у входной двери. Дверь была приоткрыта, и оттуда сильно несло кошачьей мочой. Ронан пригласил Коста следовать за ним.

– Заходи, она в глубине дома, в гостиной.

В потертое кресло, на подголовнике которого красовалось большое жирное пятно, была глубоко погружена дама без возраста, в тесной цветастой блузке и с волосами того неестественно голубоватого цвета, который позволяют себе использовать только парикмахеры, обслуживающие восьмидесятилетних. Она едва отвела глаза от телеэкрана. Перед ней на кофейном столике было

разложено восемь детских раций, каждая из которых потрескивала и шипела в собственной тональности, почти перекрывая звук теленовостей.

– Всегда на связи со своими детьми. Семь окон, дверь и восемь «уоки-токи», чтобы все слышать. Так я узнаю, что кто-то залез ко мне или бродит здесь. Лучше, чем сигнализация в магазине.

– Ага, мамаша; за исключением того, что сигнализация напрямую связана с полицейским комиссариатом, а если кто-то залезет к вам, вы будете скорее всего единственной, кто об этом узнает.

Старуха напрягла слух.

– Как?

– Я говорю...

– Ты ничего не говоришь, Ронан, ты садишься и дашь мне поговорить с мадам. Вот что ты делаешь.

– Ах, так он начальник... Он хочет кофе с печеньем?

В дополнение к малопривлекательным запахам на его ответ повлияла тонкая пленка липкого жира, которая, казалось, покрывала каждую поверхность в доме.

– Большое спасибо, но это чересчур любезно.

Усевшись рядом с ней, Кост заговорил чуть громче:

– Уверен, что вы тот человек, что всех здесь знает. Мы ищем особняк, где могут быть незаконные жильцы. Вам это о чем-нибудь говорит?

– Семьдесят семь вилл, и я знаю все, потому что мои кошки много где разгуливают. Люди говорят, что здесь воняет, но кошки просто не могут вонять, они же все время умываются.

Мадам принялась вертеть головой кругом, словно для того, чтобы найти одну из них, потом вспомнила про вопрос.

– Две виллы продаются, чистая и та, где мои кошки однажды оказались заперты, но ее не продадут, она заброшена. Дом двадцать три по проспекту Ив, если хотите посмотреть.

– Спасибо, что уделили нам время, мадам.

Ронан подошел к детским рациям, чтобы Сэм не упустил ни одного слова.

– Да, спасибо. И извините нашего сотрудника; ему не хватает воспитания, чтобы разговаривать с дамами.

Снаружи Сэм удвоил внимание.

\* \* \*

Оказавшись перед домом номер 23 по проспекту Ив, они отметили, что описание, данное новой осведомительницей, оказалось правильным.

Трехэтажный домик, ставни на окнах закрыты, краска выцвела, на крыше не хватает нескольких черепиц, от стен отваливается штукатурка, и каждый их квадратный сантиметр покрыт диким виноградом. На заброшенный дом вполне похоже.

– Сэм, посмотришь в ящике для писем, можно ли выяснить, когда сюда в последний раз доставляли корреспонденцию. Ронан, перелезешь через решетку и взломаешь дверь. Скажем, что к нашему появлению она уже такой и была – не ждать же слесаря два часа, чтобы нам открыли замок.

– Ящик для писем закрыт; я могу и его тоже взломать?

Ноги Ронана уже находились по разные стороны от решетки, но даже в такой неудобной позиции он не смог удержаться от шуток над напарником.

– Получи такое удовольствие, Сэм, поработай ручками. Ящик для писем – это та же дверь, как раз у тебя-то должно получиться неплохо.

Ронан без труда спрыгнул по другую сторону решетки и направился к коттеджу. В это самое мгновение защелка ящика для писем сдалась. Ронан нанес двери первый удар плечом, но ничего не произошло. Сэм сунул руку в ящик. Ронан отошел, чтобы собраться с силами для второго удара. Сэм вынул из ящика единственное, что там находилось, – заламинированную карточку, – и протянул Косту.

Ронан вздохнул и во второй раз бросился на дверь. Раздался треск ломающегося дерева, и дверь подалась.

– Не входи! – взвыл Кост.

В руках у него было потрепанное удостоверение личности с фотографией Франка Самоя – растрепанные волосы и улыбающийся взгляд.

– Кое-какая почта есть. – Сэм торжествовал. – Ну как, хорошее место нашли, а?

– Сюда нас привел его мобильник, а теперь удостоверение личности в почтовом ящике. Ничего мы не нашли – нас сюда, можно сказать, за руку привели. И это мне очень не нравится.

16

У него давно появилась привычка держать голову повернутой влево. Видел только правый глаз, другой пропал в уличной драке. Таким образом он художнически держал под контролем поле своего зрения. Он вскочил на то, что осталось от коленей человека, сидящего на стуле. Его привлек запах горелой кожи. Он попытался лизнуть наименее обугленные места на уровне лодыжек, но вкус ему не понравился. Прикинув, сколько сил понадобится, он изящно спрыгнул на землю. У него была морда пирата с пустой глазницей – персонажа детской сказки, но от этого он не перестал быть мощным котом, ловко приземляющимся на все четыре лапы.

Кот спустился по ступенькам и оказался на нижнем этаже. Если б он прошел дальше по коридору к входу и свернул в помещение, которое раньше служило кухней, то обнаружил бы дыру в стене, через которую можно выбраться на свежий воздух. Впрочем, через нее он сюда и вошел. Дом был погружен в темноту, словно внутри разлили черные чернила, однако на последней ступеньке кот почуял опасность и неподвижно замер, насторожив уши. Он чуть сильнее повернул голову влево, чтобы осмотреться, и поставил лапу на пол холла, не решаясь совсем уходить с лестницы.

Грохот двери, которая словно взорвалась, резко стукнувшись о стену, заставил кота, едва не получившего сердечный приступ, подпрыгнуть. Он рванул с места в спринтерский забег; лапы скользили по полу, однако он оставался на месте. Наконец кот врезался мордой в стену, а затем в два прыжка взлетел по лестнице.

– Не входи!

Стоя против света, Ронан вынул служебное оружие; двое напарников его быстро нагнали. Не обменявшись ни единым словом, трое мужчин моментально узнали запах. Переходя из комнаты в комнату, они быстро обследовали нижний этаж, обмениваясь краткими репликами.

– Кухня – чисто!

– Гостиная – чисто!

– Поднимаемся!

Свет, идущий с нижнего этажа, лишь немного рассеивал полную темноту верхнего. Вынув свой «Мэглайт», Кост обмахнул лучом света единственную комнату, посреди которой стоял складной пластиковый стул. Их молчаливо ожидало тело – полностью обугленное, мумифицированное от жара. Мужчина или женщина, Франк Самой или кто-то еще.

– Ладно, выходим отсюда, не будем портить место преступления. Ронан, звони криминалистам. Скоро шесть; когда они сюда доберутся, солнце будет на закате, пускай возьмут прожектора – один чтобы освещать снаружи, два для дома. Сэм, найдешь мне хозяев этой конуры и свяжешься с ними. Я звоню

дежурному врачу и прокурору, чтобы получить согласие на вскрытие. Сэм, во сколько был последний звонок?

– Согласно списку входящих, в пятнадцать часов.

– И вызов каждые три часа, так что нормально...

Звонок, который в это мгновение раздался в комнате – в 18 часов ровно, – чем-то напоминал кубинскую музыку, такую неуместную в этой ситуации. Экран мобильного, застрявшего между двумя ребрами трупа, периодически вспыхивал, демонстрируя надпись «номер не определен». Вот уже около двух дней телефон вибрировал по расписанию; этот последний звонок оказался роковым для обугленных костей, которые его удерживали. Ребра разошлись, частично рассыпавшись в пыль, мобильник провалился внутрь грудной клетки, где и исчез, продолжая наигрывать румбу, теперь чуть приглушенную. Все же Ронану удалось сыронизировать:

– Надо будет предупредить эксперта, что там внутри сюрприз, как в «Киндере».

– Я подумаю об этом. Идемте, не будем больше ничего трогать, уматываем.

Но Сэм как будто его не слышал.

– Сэм, ты что делаешь? Не подходи.

Тот оставил приказ без внимания.

– Стул. Он не сгорел. Я хочу сказать, он из пластика, и он не сгорел. Пол – тоже... Черт, да здесь ничего не сгорело, кроме человека.

Увидев издалека прожектора, бросающие резкий свет на дом номер 23 по проспекту Ив района Бельведер, прохожие, должно быть, думали, что здесь

снимается фильм. Работа криминалистов закончилась лишь около одиннадцати. После того как был осуществлен осмотр места происшествия, встал вопрос, каким образом извлечь тело из дома. Служащие похоронного бюро пребывали в некотором недоумении. Первый попытался просунуть руку под руками жертвы, в то время как второй старался осторожно взяться за лодыжки. На уровне левого плеча кости разрушились, и рука упала на пол. Один из гробовщиков едва не выдал назад съеденный ужин. Рука была осторожно положена на колени владельца, и служащие похоронного бюро смирились с тем, что придется вынести труп, оставив его на стуле. Снаружи будет легче поместить его в специальный мешок.

Кост пошел к группе криминалистов и протянул им обнаруженную карточку удостоверения личности.

– Еще мне нужно, чтобы вот на этом нашли отпечатки пальцев. Скажите Недотроге, что прикасались двое – лейтенант Сэмюель Дорфрей и я, капитан Виктор Кост. Мне очень жаль.

– Ничего страшного; ваши отпечатки возьмут в управлении, чтобы исключить их. Все хорошо, мы уже закончили. – Заинтригованный, он посмотрел на Коста: – Это у вас три дня назад было дело воскресшего?

Закрыв глаза, капитан утвердительно кивнул.

– А теперь – самовозгорание... Вам попадаются особенные преступления.

– У нас еще есть случай укуса оборотнем. Если интересует, сохраню для вас шерсть.

– Серьезно?

Кост начал нервничать; он знал, что в ближайшие дни пресса будет склонять это дело на все лады.

– Вы глупый или как? Делайте мне углеводородный анализ. По крайней мере, куда больше вероятности, чем у вашей истории с самовозгоранием, что он был сожжен в другом месте, предварительно облит бензином, а сюда притащен уже

потом. Когда, по-вашему, будут результаты?

– Завтра утром, если возьмусь сегодня вечером.

– Так за дело, Малдер[17 - Агент ФБР Малдер – один из главных героев культового американского телесериала «Секретные материалы».]

Кост отошел, зажег сигарету, прислонился спиной к решетке соседнего коттеджа и позволил себе соскользнуть вниз, пока не оказался на корточках. Частично закрыв лицо руками, он слушал отчеты своих подчиненных. Слово взял Сэм:

– Собственники коттеджа в Каннах, они поручили продажу агентству недвижимости, которое обанкротилось. Затем у них не было времени этим заняться, халупа пришла в плохое состояние, и они ждали, когда появится немного денег, чтобы отремонтировать ее и снова выставить на продажу. Они сюда уже полгода носа не совали.

– Еще что-нибудь?

– В доме ничего особенного, я обследовал оба этажа. А вот у задней двери на наличнике следы вскрытия. Не иначе, отжали ломом. Возможно, так они и вошли; это гораздо незаметнее, чем спереди.

– Я связался с Институтом судебно-медицинской экспертизы, – продолжил Ронан, – в час у них будет окно в расписании.

– А пораньше никак?

– Можно на час пораньше, но доктор Леа Маркван заступает на дежурство в час, и я подумал...

– Хорошо. Сворачиваемся.

– Знаешь, загадочный полицейский с красивым лицом и голубыми стальными глазами – на минуту это подействует, но с дамой надо будет поговорить в другом месте, а не над трупом, чтобы у тебя с ней хоть немного продвинулось.

Если хочешь, я тебя потренирую: такое практикуют, я видел по телевизору. Учитывая, что три дня назад ты ее, должно быть, уже впечатлил явлением зомби, а теперь...

– Если ты произнесешь слово «самовозгорание», уволю... Нет, постоянно буду разыгрывать на Рождество и Новый год, а потом уволю. Только штуки такого рода тебя и возбуждают.

Трое мужчин поднялись по проспекту Ив. Тихое мяуканье заставило Ронана обернуться. Сэм нес в своих тощих руках кота с пиратской мордой.

– Ты это серьезно? Что ты собираешься делать с этой развалиной?

– У меня сегодня по расписанию доброе дело.

На переходе у дома номер 15 по проспекту Акаций Сэм перебросил кота через решетку, и детская рация сказала ему спасибо.

18

Стенд тира. Подвал уголовной полиции департамента 93. Суббота, 14 января 2012 года. Семь часов утра. Сэм не собирался отпускать напарника.

– Ладно, а то, что на тебе новая рубашка, две пуговицы расстегнуты и ты почти что выбрит, никак с этим не связано?

– Никак, не доставай.

– Извини, просто мне кажется странным, что ты наводишь всю эту красоту ради первого дня лейтенанта Де Риттер. С другой стороны, я тебя понимаю. Но не думаю, чтобы с женщиной такого рода тебе когда-нибудь что-нибудь перепало.

Кост вошел в тир, сопровождаемый новой коллегой. Несмотря на в общем-то атлетическое телосложение, ему все же удалось выглядеть рядом с ней

безобидным. Он обратился к своей группе и к монитору:

– Месье, почти все вы уже знаете нового лейтенанта. Йоханна, представляю тебе Бенжамена, нашего инструктора по программному обеспечению, и лейтенанта Ронана Скалья, второго человека в нашей группе и единственного из команды, кого ты еще не видела.

Они поприветствовали друг друга, выбирая между поцелуем в щеку и рукопожатием и в итоге не выбрав ни того, ни другого. Чуть в отдалении Ронан шепнул:

– Оставляю выстрел за тобой, Сэм.

– Я уже говорил, что с такой тебе ничего не перепадет.

На мониторе появились команды.

– Итак, девочки, выдвигаемся на огневой рубеж. Оружие на предохранитель. Вставьте обоймы. Становитесь в пяти метрах для контактной стрельбы пятью патронами. Каска и очки. К стрельбе готовы?

Трое в один голос ответили:

– К стрельбе готовы.

– По моему сигналу.

После свистка раздалось пятнадцать выстрелов, следующие один за другим.

– Оружие на предохранитель. Стрелки, отойти на десять метров для стрельбы по пять патронов. Каска и очки. К стрельбе готовы?

– К стрельбе готовы.

Три автоматических пистолета «ЗИГ-Зауэр SP 2022» выплюнули по снопу пламени.

– Оружие на предохранитель. Последняя серия. Посмотрим, чего вы стоите. Встаньте в двадцати метрах для пяти последних патронов. Каска и очки. К стрельбе готовы?

– К стрельбе готовы.

Все четыре мишени вздрогнули от мощи девятимиллиметровых пуль из патронов «парабеллум».

– Оружие на предохранитель. Оружие в кобуру. Результаты стрельбы.

Ронан, мишень которого соседствовала с мишенью лейтенанта, второй раз за день почувствовал себя обиженным. Его стрельба была добросовестной, он всегда был одаренным, но рядом с ее мишенью его результаты казались смешными. Пять попаданий в сердце, пять попаданий в голову, пять в брюшную полость. Он занервничал.

– Ты вообще кто такая? Бедовая Йоханна[18 - Аллюзия на Марту Джейн Каннари Бёрк, более известную как Бедовая Джейн (1852 или 1856–1903), жительницу американского фронта на Диком Западе, профессионального скаута и очень меткого стрелка.]?

Подошел инструктор.

– Хорошая работа, Йо.

– Вы знакомы?

– Немного. Йоханна, чемпионка Франции по стрельбе, я представляю тебе команду; команда, я представляю вам Йоханну Де Риттер. Думаю, вы даже не знали, кого заполучили.

В знак признательности она хлопнула инструктора по спине.

– Йо, заглядывай, когда захочешь, здесь ты как у себя дома.

Кост отвел ее в сторону, пока двое остальных приводили в порядок оружие.

– Разве я не говорил тебе не высовываться? Это была не стрельба, а показуха. Знаешь, мужчины – создания обидчивые.

– Что ж, чтобы не смущать лейтенанта успехами здоровенной лесбиянки, могу пару раз промахнуться. Возможно, это добавит ему в собственных глазах пару сантиметров там, где их, видимо, не хватает.

– Так-так, вижу, нас ждут веселые времена... Сейчас мы уладим твои проблемы с эго. Ронан, ты займешься чемпионкой и введешь ее в курс относительно дела Бебе Кулибали и Франка Самоя. Затем вы оба отправитесь в криминалистический отдел: нет ли уже результатов. Увидишь, чемпионка, вы станете обожать друг друга.

19

Набережная Рапе. Институт судебно-медицинской экспертизы. Париж. 13.15.

Леа вдавила клавишу записи своего диктофона и склонилась над почерневшим телом.

– Преступная техника: так называемое барбекю. Поведение убийц меняется вслед за развитием возможностей криминалистической службы. У меня есть коллега в Марселе, который как раз недавно говорил об этом. Шесть случаев в течение первых пяти месяцев года, в основном сведение счетов. Как правило, используется, чтобы затруднить опознание жертвы.

– Не в этом конкретном случае: нас прямо-таки навели на него.

Леа склонилась над телом.

– Судя по результатам осмотра скелета, это мужчина. Термический ожог четвертой степени. Сокращение объема и массы тела, отторжение мягких тканей, самопроизвольные разрывы и переломы вследствие высокой температуры. На обнаружение пальцевых отпечатков никакой надежды, они

сгорели. Остается достаточно кожи вокруг лодыжек, судя по всему, защищенных высокими кожаными ботинками; там, вероятно, можно будет найти ДНК, и если жертва фигурирует в генетической базе, мы установим, кто ваш мужчина.

– А если он полностью сгорел?

– Остается митохондриальная ДНК в костном мозге, это сложнее.

– А опознание по зубам?

– Тут, Виктор, мы вступаем в область наибольшей неясности. В крайнем случае, медицинская ортодонтология даст нам период времени или, в зависимости от техники стоматологической хирургии, места?, где и что делалось. Но сейчас вам от этого не будет никакой пользы. Смотрите.

Она пригласила Коста подойти поближе и с приглушенным хрустом открыла челюсть.

– Некоторые зубы сломаны, здесь, спереди, – резец и клык нижней челюсти; в глубине два коренных зуба сломаны, но не вырваны. Это сильно напоминает пытку. Значит, говорите, ничего вокруг не обгорело?

– Вы же не собираетесь начать с этого?

– У меня рациональный склад ума: когда я вижу в небе неопознанный объект, то сперва думаю про шар-зонд, а уже потом – про летающую тарелку. Мне всего лишь хотелось подчеркнуть, что если между этими двумя делами существует связь – значит есть какой-то засранец, который смеется вам в лицо.

Итак, всё хуже некуда. Виктор забеспокоился.

– Они взаимосвязаны. Обугленный скелет перед вами, по всей вероятности, – хозяин крови на свитере восставшего из мертвых.

– Виктор, вас дразнят. Надо будет проявлять сдержанность, если вы не хотите, чтобы пресса снова дышала вам в затылок.

Попросив подождать минутку, Леа вышла из комнаты, а затем вернулась с делом Бебе Кулибали. Вынула оттуда фото – того окровавленного свитера – и подошла к телу.

– Идентично попаданиям в свитер: я нахожу два совпадения на уровне ребер и третье вот здесь – царапина на позвоночнике. Вот они, все три выстрела. Учитывая их местоположение, каждый мог быть смертельным. Причиной смерти могло оказаться и обугливание, но в таком случае я не особенно понимаю, зачем трижды стреляли в уже обугленное тело. Что касается датировки смерти, я буду вынуждена стать палеонтологом, учитывая состояние тела, где только кости и могут быть нам полезными.

Кост смотрел на нее с таким видом, словно это его немного позабавило.

– Похоже, вам все это нравится.

– Буду с вами честной, Виктор, меня еще никогда так хорошо не обхаживали.

20

Недотрога, руководитель криминалистической службы в безупречно белом халате, спокойно переносил капитана Лару Жеврик – начальника следственной группы 02 уголовной полиции 93-го департамента.

– Сделаем как можно скорее, капитан.

– Это слишком медленно; сделайте как в сериале «Место преступления», несложно ведь. Я вам судебное требование предъявляю, понятно?

При виде входящего Коста она выпрямилась.

– Привет, Виктор.

– Добрый вечер, Лара.

– Ну как, выкручиваешься со своими странными делами?

Кост почувствовал насмешку в ее голосе, но не дал себе труда обратить на это внимание.

– Возимся. А у тебя тут что?

– Акт вандализма с насилием. Парень уводит килограмм травки у пацанов из Сент-Уэн, загоняет его в другом регионе и скрывается в Таиланде, ожидая, пока про него все забудут.

– И не вышло?

– Не то чтобы очень, да... ведь все каникулы когда-нибудь заканчиваются. Сегодня утром нам позвонили из больницы Жана Вердые. Приятели его отыскали. Отрезали ему указательный палец болторезом – это из мести. А затем заставили его сосать у своих псов – это для развлечения. У него во рту нашли шерстинки, и мне хотелось бы, чтобы господа эксперты девяносто третьего немного пошевелились, чтобы сказать мне, собачья это шерсть или нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

2

Сеть скоростного сообщения в Париже и пригородах.

3

Кабельтов – единица измерения расстояния на море; равен  $1/10$  морской мили = 6 угловых секунд меридиана = 185,2 м.

4

Номенклатурное обозначение департамента Сен-Сен-Дени.

5

Марка портативных фонарей.

6

Не трогать (англ.).

7

Анджолоино Джузеппе Паскуале Вентура (1919–1987) – итальянский актер.

8

Перед смертью (лат.).

9

Изменения, вызванные смертью.

10

Система обработки выявленных правонарушений. – Прим. авт.

11

Система анализа связей насилия с другими преступлениями. – Прим. авт.

12

Французский город между Пиренеями и Средиземным морем.

13

На арабском означает «бросай». Предупредительный крик при проезде полицейского патруля. – Прим. авт.

14

Один из пригородов Парижа назван в честь Ю. Гагарина.

15

Непроизвольное скрежетание зубами.

16

Здесь: полицейская дубинка с поперечной рукоятью.

17

Агент ФБР Малдер – один из главных героев культового американского телесериала «Секретные материалы».

18

Аллюзия на Марту Джейн Каннари Бёрк, более известную как Бедовая Джейн (1852 или 1856–1903), жительницу американского фронта на Диком Западе, профессионального скаута и очень меткого стрелка.

----

Купить: [https://tellnovel.com/norek\\_oliv-e/kod-93](https://tellnovel.com/norek_oliv-e/kod-93)

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)